

18+

Алексей Ракитин

**Американские трагедии.
Хроники подлинных уголовных
расследований XIX—
XX столетий. Книга VI**

«Издательские решения»

Ракитин А.

Американские трагедии. Хроники подлинных уголовных расследований XIX—XX столетий. Книга VI / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-604015-1

Шестая книга серии. Сборник очерков, посвященных малоизвестным сюжетам из американской истории разных лет. Помимо необычных и полных драматизма криминальных конфликтов в представленных очерках можно увидеть подлинную картину общественной жизни США XIX — XX веков, специфику правоприменения и особенности работы правоохранительного сообщества той поры.

ISBN 978-5-00-604015-1

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

1857 год. Несколько слов о теории и практике сбрасывания трупов в водопады	6
1920 год. Женщина, которая смогла («Дело Лиды Трублуд»)	26
1927 год. Адюльтер как повод задуматься («Дело Ады ЛаБёф»)	47
1922 год. Тук-тук... Кто в домике живёт? («Дело Фреда Остеррайха»)	60
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Американские трагедии Хроники подлинных уголовных расследований XIX—XX столетий. Книга VI

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2023

ISBN 978-5-0060-4015-1 (т. 6)

ISBN 978-5-0053-5460-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1857 год. Несколько слов о теории и практике сбрасывания трупов в водопады

Даже школьник начальных классов – чей интеллект ещё не обезображен подготовкой к ЕГЭ – знает, что убивать возле водопадов – это мысль вполне здравая. Попробуйте, поспорьте! И дело тут вовсе не в заветах профессора Мориарти, который встретился со своим недругом – частным сыщиком Холмсом – именно у водопада. Соображения в пользу убийства у водопада очевидны всякому и без творческого гения Конан Дойла. Ну, в самом деле, первый довод заключается в том, что есть куда выбросить тело жертвы: большая вероятность, что его не обнаружат, либо обнаружат нескоро, далеко от места убийства и притом сильно обезображенным. Второй довод заключается в том, что близость воды позволяет убийце привести себя в порядок, если в том возникнет необходимость, скажем, умыться или замыть следы крови на одежде. Третий несомненный плюс заключается в том, что шум водопада прекрасно маскирует звуки борьбы и крики жертвы. Четвёртый довод в пользу удобства такого места заключается в том, что водопад – идеальное место для сокрытия орудия убийства – никто не полезет обыскивать дно в районе падения на голову тысяч тонн воды ввиду очевидной бессмысленности этой затеи, не так ли? Перечисление «плюсов» можно продолжить, но думается, что автору впору остановиться, ибо мысль более чем ясна.

Есть, правда, и определённые минусы. В этом месте каждый читатель может на секунду задуматься над тем, какие бы минусы он увидел в том, чтобы устроить убийство возле водопада... Первый серьёзный «минус» заключается в том, что районы водопадов обычно являются местами довольно посещаемыми. Зевак привлекают живописные виды и необычность обстановки, поэтому к водопадам частенько тащится публика со всевозможными пледами, зонтиками и раскладными стульчиками. Опять же-шь, художники всякие набегают, любители рисовать на холсте и бумаге. То есть преступное нападение у водопада с ненулевой вероятностью может иметь неожиданных свидетелей – и осторожный злоумышленник должен данное обстоятельство учитывать. Имеются и иные «минусы», но они, скажем аккуратно, менее очевидны.

Как бы там ни было, мировая история уголовного сыска и криминалистики хранит несколько любопытных историй убийств возле водопадов. Причём убийств не случайных, а продуманных и заблаговременно подготовленных.

Одному из числа таких необычных убийств, совершенно неизвестных российскому читателю и незаслуженно позабытому в Соединённых Штатах Америки, настоящая заметка и посвящается.

20 декабря 1857 года жители города Рочестер, штат Нью-Йорк, обнаружили в реке Джинеси (Genesee), протекавшей через город, труп мужчины. Река была скована льдом, но движение тела под ним было хорошо заметно с берега. Разбив лёд ниже по течению, жители города сделали широкую промоину, из которой и выловили труп.

Умерший выглядел ужасно – лицо было практически неузнаваемо, нос раздавлен, кожа на открытых частях имела обширные обдиры, в волосах было много песка и ила. Один из горожан, участвовавший в извлечении трупа из воды, оказался врачом, бегло осмотрев труп, он поспешил успокоить присутствующих, сказав, что все эти повреждения явились следствием удара о дно и возможного волочения тела по дну. Поэтому, скорее всего, это уродующее травмирование оказалось посмертным.

Никаких явно криминальных повреждений вроде огнестрельных ранений, разрывов одежды, следов воздействия рубящими и режущими орудиями труп и одежда на нём не имели. Точнее говоря, таковые визуально не определялись. А это с весьма немалой вероятностью означало, что утопленник мог быть самоубийцей.

Разумеется, первый вопрос, приходивший на ум всякому, видевшему в тот день тело, заключался в том, где и когда несчастный попал под лёд. Понятно, что утопленник должен был двигаться по течению, то есть спускаться сверху вниз сообразно движению водного потока, но ледовое покрытие вверх по течению на протяжении почти 300 метров не имело повреждений. Единственным местом, где в те декабрьские дни ещё имелась открытая вода, являлся район величественных Высоких водопадов (High Falls), местной достопримечательности, являвшейся излюбленным местом горожан для прогулок и пикников.

Эта картина английского художника, изображающая Высокие водопады на реке Джинеси, была нарисована в 1838 году, то есть за 20 лет до событий, ставших сюжетом настоящего повествования. Как видим, район водопадов являлся местечком пасторальным и даже романтическим, причём расположенным неподалёку от жилой застройки. Кому интересно, тот может сопоставить этот вид с современными фотографиями – такое сравнение окажется во многих отношениях любопытным и выразительно продемонстрирует результат бездумного разрушения человеком природы.

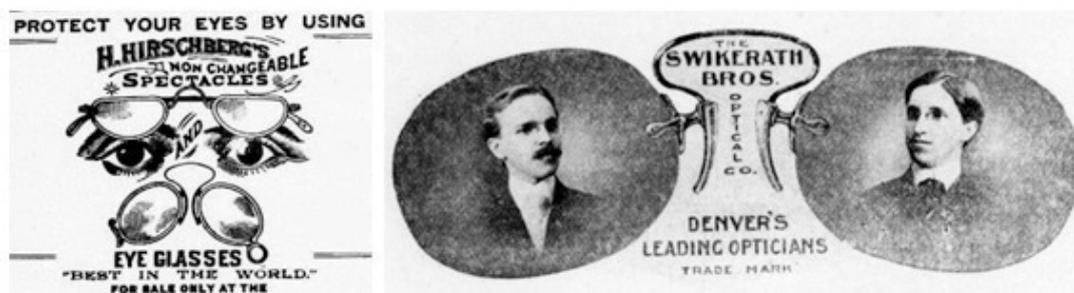
Полицейские со всей возможной быстротой принялись осматривать район водопада, поскольку световой день был короток и перенос осмотра местности на следующий день грозил уничтожением следов возможным снегопадом. Около 15 часов на скальном выступе в непосредственной близости от водного потока были обнаружены следы на снегу, которые можно было принять за следы борьбы. В снегу были хорошо заметны отпечатки нескольких пар обуви, следы волочения чего-то крупного – то ли мешка, то ли человеческого тела – а также чёткие оттиски человеческих ладоней. Присутствовали и иные следы, оставленные как будто бы сидящим в снегу человеком, а также лежащим на спине. В общем, следы выглядели довольно необычно, и сложно было представить, чтобы рядовой обыватель, прибывший сюда для того, чтобы полюбоваться водопадом, принялся вот так кататься по снегу, садиться и ложиться в сугроб и ходить на четвереньках.

Однако это было ещё не всё! Самое интересное открытие было сделано после того, как полицейские догадались посмотреть со скалы вниз. Они обнаружили, что ниже скального выступа имеется другой, который с некоторой долей условности можно было сравнить с балконом на фасаде здания. И на этом «балконе» также имелись хорошо различимые следы ног, тела и ладоней. Этот «балкон» находился на удалении 30 футов (~9,5 метров) или чуть более от верхней части скалы. Хотя к выступу вела узкая тропинка, спуститься на «балкон» и подняться обратно представлялось делом довольно проблематичным, но... Но ведь кто-то же для чего-то проделал это!

Со всей возможной быстротой раздобыв верёвку для страховки и лестницу, полицейские буквально на четвереньках спустились на «балкон» и тщательно его осмотрели. Их дотошность получила достойное вознаграждение – в снегу они отыскали... очки.

Опс! Как неожиданно... Неужели очки потерял утопленник? И если следы на снегу имели связь с его смертью, то неужели его утопление оказалось не вполне добровольным?

Очки являлись ценной уликой. Они многое могли рассказать о своём владельце!

Очки в середине XIX столетия сделались уже широко распространённым в быту аксессуаром. В каждом более или менее крупном городе имелся врач-офтальмолог [и даже не один!] и оптические мастерские, изготавливавшие на заказ нужные стёкла. Реклама очков, подобная той, что можно видеть на иллюстрации, была широко распространена. Её можно было увидеть в газетах намного чаще рекламы часов, музыкальных инструментов или магазинов, торгующих драгоценностями – а это означает, что очки являлись товаром куда более дешёвым и доступным.

Пока в районе Высоких водопадов разворачивались описанные выше события, служба коронера организовала вскрытие извлечённого из воды трупа. Уже в 2 часа пополудни тело в мокрой одежде лежало на столе похоронной компании, принадлежавшей доктору Эйвери (Avery), который по совместительству являлся и официальным врачом коронерской службы. Как видим, доктор успешно совмещал профессиональный интерес, бизнес и общественное служение, что не мешало ему оставаться вполне компетентным специалистом.

Перво – наперво Эйвери при визуальном осмотре трупа констатировал, что утопленник является белым мужчиной в возрасте 25—30 лет, достаточного питания, с ухоженными руками и ногтями, недавно стриженный. Судя по отмеченным деталям, мужчина не являлся бродягой. Далее врач обратил внимание на отсутствие во рту и верхних дыхательных путях специфической липкой пены, чьё выделение являлось верным симптомом истинного утопления. Данное обстоятельство сразу же заставило врача усомниться в том, что умерший действительно утонул.

Приступив к раздеванию трупа, Эйвери обнаружил, что жилетный карман для часов пуст, но часы у умершего имелись. Правда, находились они в довольно неожиданном месте [нет, не в том, где 5 лет прятал часы отец одного из героев фильма «Криминальное чтиво», находясь в плену]. Дешёвые карманные часы в стальном корпусе лежали в брючном кармане, их стрелки остановились в 9:55. Это время, кстати, не обязательно должно было указывать момент попадания часов в воду, поскольку часы в то время останавливались при падении с высоты 1 метр и даже менее [виной тому являлось низкое качество пружинной стали, из-за чего пружины приходилось делать длинными, и они легко выдавливались в сторону, что приводило к остановке механизма]. Другими словами, стрелки могли перестать двигаться при банальном падении человека на грунт.

Однако не это было самым ценным в обнаруженном девайсе! Гораздо важнее оказалось то, что на внутренней стороне крышки часов имелась гравировка «С. W. Little». В этом месте даже малыш из старшей группы детсада высказал бы обоснованное предположение, что это инициалы и фамилия владельца часов. А много ли было Литтлов в городе с населением 45 тыс. человек – именно столько людей проживало в Рочестере в конце 1857 года?

Во время раздевания трупа было сделано и другое немаловажное открытие. Из рукава пальто умершего выпала... толстая короткая дубинка. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что дубинка представляет собой деревянный подлокотник стула длиной 12 дюймов (~30 см). Доктор Эйвери не обнаружил эту довольно массивную деревяшку при первоначальном осмотре и ощупывании одетого тела, и это казалось до некоторой степени странным. Раздумывая над тем, как же могло так получиться, доктор, в конце концов, нашёл, как ему показалось, правдоподобное объяснение. Мёртвый мужчина, очевидно, вложил дубинку в рукав пальто снизу и удерживал её пальцами, но в нужный момент воспользоваться ею не успел, и дубинка осталась в рукаве. При последующем волочении тела за руки, дубинка сместилась в область подмышек, где и осталась во время пребывания трупа в воде. После извлечения тела из воды его также поднимали за руки и за ноги, и по этой причине дубинка всё время оставалась в верхней части рукава и не была замечена при беглом осмотре одежды.

Но отчего же умер обладатель импровизированной дубинки из подлокотника и часов с гравировкой «С. W. Little»? На торсе, руках и ногах мужчины не имелось никаких повреждений, которые можно было бы связать с физическим насилием, но при тщательном ощупывании головы доктор Эйвери понял, как именно тот умер. За правым ухом под волосами определялся участок вдавления в череп с чёткими границами. Убрав скальп и отделив черепную крышку, врач продемонстрировал присутствовавшим при вскрытии сотрудникам офиса коронера важнейшее свидетельство убийства – вдавленный перелом черепа, произведённый прямоугольным орудием со сторонами 2 на 1,5 дюйма (т.е. 5 см на 3,8 см). Часть черепа, оказавшаяся под ударной поверхностью, полностью отделилась от свода и «легла» прямо на мозг, на своём месте она удерживалась лишь кожей.

Такого рода повреждения черепа к середине XIX столетия были уже хорошо известны судебным медикам. Путём натуральных экспериментов на трупах было установлено, что при приложении значительной силы на площади до 22 кв. см вдавленный фрагмент черепной кости точно воспроизводит контур ударной поверхности, если же площадь контакта превышает 22 кв. см, то вокруг вдавленной площадки образуется область сопутствующего растрескивания черепа. При подобном растрескивании может происходить фрагментация черепа на большое количество отколов [до 300], вообще же, количество таковых прямо пропорционально величине приложенной силы. Подобные ранения сопровождаются разрывами кожи и обильным кровотечением, которое, несомненно, имело место и в данном случае, но вся кровь была уничтожена водой. Вообще же, ввиду того, что волосы были запачканы песком и илом, рана на голове убитого выглядела почти незаметной.

Поскольку в данном случае растрескивания черепа не произошло, доктор Эйвери уверенно заявил, что в качестве орудия убийства использовался молоток либо кувалда с размером ударной части 2 на 1,5 дюйма, причём убийца нанёс всего 1 удар. Видимо, этого оказалось достаточно, добивания не потребовалось.

Насчёт давности наступления смерти доктор Эйвери высказался довольно неопределённо. Что легко объяснимо – тело было извлечено из воды, температура которой была близка к порогу замерзания. Соответственно, до этой температуры охладилось и тело, исказив все признаки, на которые врач должен был опираться при определении давности смерти [подвижность трупных пятен, посмертное окоченение, вздутие живота и пр.]. Доктор Эйвери заявил, что труп выглядит «свежим», но ввиду особых условий его пребывания убийство могло произойти и сутки тому назад, и даже более.

Итак, полиции надлежало установить судьбу белого мужчины возрастом 25—30 лет, предположительно имевшего фамилию Литтл и пропавшего 18 или 19 декабря. Не прошло и суток со времени обнаружения трупа, как полиция успешно идентифицировала его. Убитым оказался некий Чарльз Уильям Литтл (Charles W. Little), 25-летний житель Рочестера, работавший клерком на одной из местных лесопилок. Что показалось особенно важным в то время – **Чарльз Литтл не носил очки, из чего следовало, что таковые, найденные на месте совершения преступления, принадлежали его убийце**. Чарльз был женат на местной жительнице Саре Стаут (Sarah Stout), однако, по словам соседей, в последнее время жена в его квартире не появлялась – то ли он её выгнал, то ли она ушла сама. В общем, вышла у них какая-то размолвка, и Чарли последние недели отчаянно холостяковал – напивался, дрался, отчаянно играл в карты и – что особенно важно – выигрывал!

Как бы там ни было, жену следовало отыскать хотя бы для того, чтобы поставить её в известность о случившемся с её мужем, а заодно задать кое-какие вопросы о жизни Сары с Чарли. Довольно быстро поиски привели полицейских в дом её брата, некоего Мариона Айры Стаута (Marion Ira Stout). Сразу оговоримся, что нам известен день его рождения – 18 сентября – но вот с годом есть некоторая проблема, в разных источниках указывают то 1835 год (и тогда в декабре 1857 года его возраст должен был составить полных 22 года), то 1825 год (и тогда он должен быть на 10 лет старше). Жизнь его оказалась полна ярких впечатлений, хотя и весьма специфических. Дело заключалось в том, что глава семейства – отец Мариона и Сары – на протяжении многих лет являлся участником банды, промышлявшей подделкой канадских денег и их транспортировкой из штата Нью-Йорк на территорию Канады. Помимо подделки ассигнаций, банда занималась подделкой чеков и долговых расписок. Марион – старший из детей – во всём помогал отцу, он изучил гравёрное дело и, помимо изготовления фальшивок, лично участвовал в различных трансграничных перевозках в районе Великих озёр. Когда Мариону исполнилось 16 лет, отец его отправился на 10 лет в знаменитую тюрьму в городке Итака, из которой уже не вышел. Старший из сыновей продолжил его дело. В составе банды под руководством некоего Баскомба (Bascomb) он принял участие в нападении и сожжении крупного магазина в штате Пенсильвания. Впоследствии лошади бандитов были найдены во дворе дома, арендованного Марионом. Хотя Марион настаивал на неосведомлённости о происхождении лошадок, в его вещах были найдены поддельные деньги на общую сумму 110 долларов. Так что Мариону Айре пришлось «присесть» на 4,5 года, и тюремный опыт, вне всяких сомнений, обогатил его кругозор и дал новое понимание законов жизни [преимущественно антисоциальных].

Отбыв наказание, Марион поступил и успешно закончил Коммерческий колледж, где продемонстрировал удивительный интерес к философии Юма и Лока, а также математические наклонности. Преподаватели колледжа прочили ему большое будущее. Тем удивительнее выглядела последующая судьба Мариона Айры – он не стремился работать и не искал

легального заработка, перебиваясь случайными подработками и пускаясь в какие-то непонятные делишки с мутными персонажами.

В родительский дом Марион после тюремной отсидки не вернулся, по-видимому, он хотел полностью исключить возможность какого-либо контроля со стороны матери. Жил он в какой-то лачуге на окраине, в самом конце Морган-стрит (Morgan str.), которую уместно сравнить разве что с домиком кумы Тыквы из сказки про Чиполлино [поколение ЕГЭ про кума Тыкву ничего не знает, но ведь не для них же это пишется, верно?].

Марион Айра Стаут.

В общем, полицейские наведались в хибару Мариона Стаута, где и обнаружили её владельца в образе эдакого «рыцаря печального образа». Руки и лицо Мариона имели осаднения весьма подозрительного вида, кроме того, левая рука имела сильную синюшную отёчность и была замотана грязной тряпицей. Мужчина явно страдал от боли, хотя пытался бодриться и всячески скрывал своё истинное состояние.

Отвечая на вопросы полицейских, он подтвердил, что сестра действительно живёт с ним, но слова его вызвали недоумение «законников», поскольку в лачуге стояла только одна кровать. «Где она спит?» – спросили его, и Марион молча указал на кровать. «А где спите вы?» – и он снова указал на кровать... «Но как же вы спите?!» – простодушно изумился один из полицейских, на что Марион также простодушно ответил: «Мы спим в одежде!»

В принципе, никто и ничто не запрещает спать брату и сестре в одной кровати в неких особых обстоятельствах, скажем, в поездке, но это явно был не тот случай! Если мужчина 33 лет и его сестра 24-х лет на протяжении нескольких недель делят ложе, то... то это как-то совсем против правил! Странность этого сожительства подчёркивало то обстоятельство, что Сара, уйдя от мужа, не отправилась жить в дом к матери, а переехала почему-то в унылую хибару к брату. Имелась и другая странность, подчёркивавшая абсурдность ситуации – Марион был женат, но с женой не жил...

В ту минуту, наверное, каждый полицейский, следивший за беседой с Марионом, задавался вопросом: «Что же такое в этой семейке происходит?!»

Мариону Айре были заданы вопросы о его отношениях с мистером Литтлом, и молодой мужчина уклончиво охарактеризовал их как не очень хорошие. Из дальнейших расспросов выяснилось, что Марион был возмущён отношением Литтла к сестре, по его словам, тот избивал её на протяжении всех 3 лет супружеской жизни, всячески третировал и изводил мелочными придирками. Чтобы подчеркнуть ненормальность отношений Чарльза и Сары, мужчина сообщил, что рождённые в браке мальчик и девочка сейчас живут отдельно от родителей в штате Пенсильвания. По словам Мариона, плохое отношение к Саре её муж объяснял ревно-

стью, разумеется, необоснованной. Учитывая то, что сестра делила постель с братом, вопрос о необоснованности ревности мужа показался полицейским далеко не очевидным. Беседа становилась чем дальше тем интереснее, но совершенно неожиданный поворот придал ей внезапный вопрос, заданный детективом Хендерсоном.

Тот без всякой видимой причины вдруг попросил Мариона показать свои очки. Тут следует иметь в виду, что никто из полицейских не знал о плохом зрении Мариона, так что выпад детектива был сделан наобум. На полке над обеденным столом лежало около дюжины книг, так что любовь к чтению проживавшего здесь человека была довольно очевидна, но то, что он пользуется очками, из любви к чтению вовсе не следовало. Обращение Хендерсона застало Мариона врасплох – он странно смутился и довольно путано стал объяснять, что сейчас их поищет... Явно волнуясь, он принялся перекладывать свой убогий скарб и в конечном итоге очков так и не нашёл. Чему, кстати, никто из полицейских не удивился.

Итак, на месте преступления были найдены очки, которые жертве не принадлежали. А у брата жены убитого очков почему-то не оказалось. Причём брат спал в одной кровати с женой убитого и последнего не любил, из чего даже не стал делать тайны. Совпадение? Совпадения, конечно же, случаются, и кому как не детективам это знать, но с Марионом явно следовало поговорить более обстоятельно!

Мужчине предложили проследовать в помещение полицейской станции для детального разговора, а в его хибаре осталась полицейская засада. Полицейским надлежало дожидаться появления Сары, а кроме того, интерес представляли и дружки Мариона, если таковые забрели бы «на огонёк».

Через несколько часов маявшиися от безделья полицейские, сидевшие в засаде, сделали довольно любопытное открытие. Они отыскали свёрнутое зелёное женское платье, подол которого сплошь покрывали сухие головки репейника. А сухой репейник, торчавший из сугробов, стеной стоял как раз на подходе к тому выступу скалы, на котором были обнаружены следы борьбы. В этой связи особый интерес представляло то обстоятельство, что на одежде Мариона Айры Стаута сухих головок репейника не оказалось.

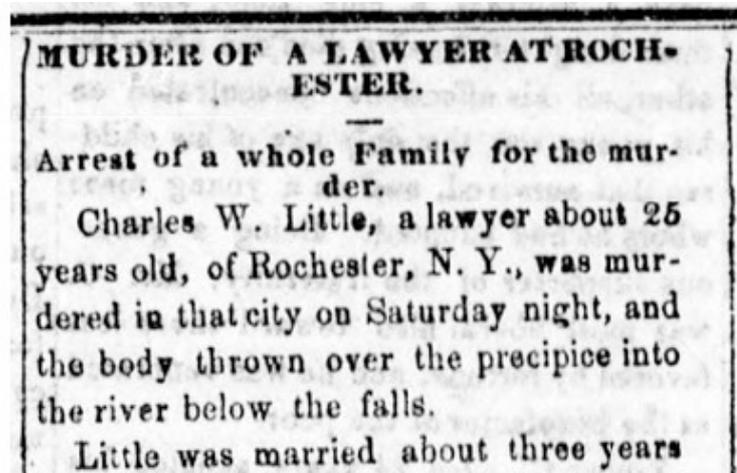
После появления Сары Литтл (в девичестве Стаут) в лачуге брата ей было сообщено об убийстве мужа. Женщина попыталась изобразить волнение и даже плач, но один из полицейских между делом заявил, что Марион сказал им, будто Сара об этом знает [что было неправдой!], и Сара плакать сразу же перестала. Женщине показали зелёное платье в репьях, и та подтвердила, что оно принадлежит ей. В общем, полицейские забрали платье и увели женщину на допрос в здание полицейской станции.

Для освидетельствования задержанных были приглашены врачи коронерской службы Эйвери, упоминавшийся в этом очерке чуть выше, и Монтгомери (Montgomer). Результаты их работы оказались довольно любопытны. На руках и ногах Мариона Айры и Сары были описаны многочисленные – более дюжины – осаднения кожи, царапины, заусеницы и пр. Площадь ободранной кожи на коленях обоих осмотренных лиц врачи признали ничуть не меньшей монеты в полдоллара [диаметр 30,6 мм], т.е. и Марион, и Сара где-то здорово ободрались! Помимо многочисленных поверхностных повреждений, врачи обнаружили у Мариона Стуата и перелом лучевой кости левого предплечья в двух местах – возле запястья и ближе к локтевому суставу. Перелом был «свежим», давностью не более 2 дней – на это красноречиво указывал размер и синюшный цвет отёка.

На вопрос о происхождении довольно необычных телесных повреждений Марион ответил, что получил их при наезде на него лошади, а Сара поведала совершенно неправдоподобную историю, согласно которой получала все эти обдиры и заусеницы в разных местах в разное время, то неудачно падала, то её толкали, то подол платья цеплялся за дверь.

В общем, брата и сестру отправили под замок, однако дело этим не ограничилось. У коронера имелись вопросы как к миссис Стаут – матери семейства – так и Эли Стауту (Eli Stout),

младшему брату Мариона. Дабы исключить сговор членов семьи, возможность уничтожения улик и организацию фальшивого alibi, коронерское жюри постановило взять под стражу всех членов семьи.

Сообщение в местной газете от 7 января 1858 года о ходе коронерского расследования, возбуждении уголовного дела и аресте всей семьи Стаутов.

Несмотря на кажущуюся простоту, дело вовсе не выглядело ясным. Было установлено, что вечером 19 декабря Чарльз Литтл пил пиво в питейном заведении в обществе некоего джентльмена, которым не мог быть Марион Айра. И вроде бы именно с ним потерпевший и покинул пивнушку. Отправились ли они к водопаду вместе? Не напал ли на Чарльза Литтла его спутник, который так и не заявил о себе после того, как публикации в местных газетах оповестили жителей Рочестера об имевшем место убийстве?

Версия о внезапном нападении никак не объясняла наличие в рукаве Чарльза Литтла импровизированной дубинки. Кстати, при посещении офиса убитого коронер обнаружил деревянный стул без подлокотника. Когда к этому стулу приложили деревяшку, найденную в рукаве пальто Литтла, она идеально подошла. Получалось, что Чарльз, не имея под рукой подходящего оружия, сломал стул, дабы вооружиться. Откуда возникла такая спешка? Почему он не взял нож? Почему не револьвер? Самый дешёвый револьвер стоил тогда буквально 3\$, неужели Литтл решил сэкономить на собственной безопасности? Или у него не было времени?

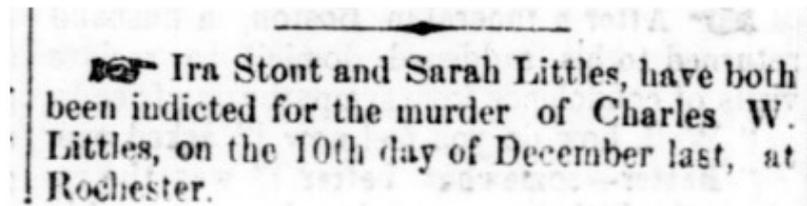
Множество вопросов было связано с телесными повреждениями Мариона и Сары. Почему первый оказался со сломанной рукой и притом примерно в тот же день, когда был убит Литтл? Последний явно не защищался, убийца застал его врасплох, но если Марион Айра убийца, то что с ним случилось? Сломать лучевую кость в двух местах – так, как это произошло в случае с Марионом – надо ещё умудриться! И что случилось с его сестрой?

Хотя Марион Айра стоически отвергал все подозрения в свой адрес, положение его с самого начала выглядело скверным. И всё стало совсем нехорошо после того, как врач-офтальмолог, к которому подозреваемый обращался с просьбой подобрать линзы, признал, что найденные на месте убийства очки полностью соответствуют сделанному им назначению. Стаут настаивал на том, что за несколько дней до гибели Литтла потерял очки, и они, возможно, подброшены неким злоумышленником на «балкон» у водопада, дабы запутать следствие. Но такое объяснение за версту отдавало завиральщиной.

Факт обнаружения очков у Высокого водопада накрепко привязывал Мариона к убийству, и основная интрига расследования сводилась к тому, какими окажутся судьбы Сары и Эли. И младшая сестра, и младший брат одинаково хорошо годились на роль помощника

Мариона. Также непонятной оставалась роль матери [если эта женщина вообще играла какую-то роль в трагической истории].

В последней декаде января коронерское жюри округа Монро посчитало обоснованным выдвижение обвинений в убийстве Чарльза Литтла в отношении Мариона Айры и Сары, но сняло подозрения с матери и младшего брата.

Краткое газетное уведомление от 28 января 1858 года о том, что коронерское жюри постановило считать обвинительный материал в отношении Мариона Айры Стаута и его младшей сестры Сары достаточным для рассмотрения дела в окружном суде. Обратите внимание на ошибки в тексте – фамилию обвиняемого газетчики переврали, превратив её в «Stont» (вместо «Stout»), а в качестве времени совершения преступления указали 10 декабря вместо 19. Такого рода небрежности типичны для газетных публикаций XIX столетия, и по этой причине к газетным сообщениям той поры следует подходить с осторожностью.

Старший брат и его любимая сестрёнка, спавшие в одной кровати одетыми, были преданы суду в апреле того же года, но если кто-то из читателей ждёт от этого процесса занимательной интриги, то сразу внесём ясность – таковой не случилось. Неожиданно для всех Марион признался в умышленном убийстве Чарльза Литтла, взял всю вину на себя и тем превратил суд в обычную формальность.

По словам Мариона, он был взбешён, когда по возвращении из тюрьмы узнал, что Чарльз третировал Сару. Жизнь с ним была невозможна, как муж и отец он был до такой степени непереносим, что Сара отвезла рождённых в браке детей к родственникам в Пенсильванию, за 300 км от Рочестера. Фактически она спрятала их от бесноватого мужа. В этой части, кстати, Мариону можно верить, поскольку о дурном нраве убитого говорили самые разные свидетели, в том числе и выставленные стороной обвинения. Правда, свидетели обвинения были склонны объяснять ревность Чарльза Литтла его подозрениями, связанными с тем, что в семье Стаутов на протяжении многих лет процветал инцест. Более того, Чарльз даже считал, будто его жена поддерживала интимные отношения с обоими старшими братьями на протяжении чуть ли не 10-и лет, и даже дети, рождённые в браке, являлись, дескать, не его – Чарльза Литтла – детьми.

Сейчас нам сложно судить о том, имели ли подозрения такого рода реальное обоснование. В те времена многие деликатные моменты, связанные с сексом или половыми отношениями в широком понимании этого словосочетания, в протоколы не вносились и, более того, в суде даже не заслушивались. То есть судья мог остановить говорившего и прямо указать ему на недопустимость такого рода деталей... Да – это специфика времени и нравов! Но даже если подозрения Чарльза Литтла были во всём справедливы, его оскорблённая честь не могла служить оправданием третирования жены. Как говорят в таких случаях наши украинские небра-

тя на своём непереносимом суржике, «бачили очи, шо руки куповалы», дескать, видел, что покупал...

В общем, Марион [согласно его версии событий] пытался несколько раз урезонить агрессивного зятя, но все увещания отлетали, как от стенки горох. Видя бесполезность своих попыток и не находя приемлемого выхода из сложившейся ситуации, подсудимый предложил сестре покинуть мужа и переселиться в его – Мариона – домик. Подобный уход лишь укрепил подозрения Чарльза Литтла о кровосмесительной связи внутри семьи, но сам Марион о таком пустяке, по-видимому, не подумал. Сара за 5 или 6 недель до убийства мужа оставила его и перебралась в хибару Мариона на Морган-стрит.

Поступок, конечно же, следовало признать необдуманном. Младшая сестра перебралась в кровать старшего брата (буквально!), оставив при этом мужа, пусть и грубого, но законного. Неудивительно, что дружки и случайные собутыльники стали над Литтлом подшучивать: «Чарли, как ты проходишь в двери, рога тебе не мешают? Чарли, аккуратнее, не задень люстру рогами!» Уход жены вызвал бешенство Чарльза Литтла, что следует признать вполне ожидаемым, и в порыве ярости тот заявил при случайной встрече с Сарой на улице, что убьёт её. Слова эти слышали окружающие, что, кстати, очень помогло Саре в суде.

Понимая, что события перешли в острую фазу, Марион, по его словам, решил действовать на опережение. В том смысле, что решил убить Литтла до того, как тот причинит какой-либо вред Саре. Для этого он – Марион Айра – назначил Чарльзу встречу у Высокого водопада, объяснив её необходимостью обсудить ситуацию и найти приемлемый выход из положения. В действительности же он ничего обсуждать не намеревался, а хотел только избавиться от ненавистного зятя. Водопад оказался ему оптимальным местом убийства – труп можно сбросить в поток, он его изуродует ударами о дно и камни, затем вода отнесёт тело вниз по течению, и там, подо льдом, оно останется до весны. И никто его не найдёт... Бинго!

Согласно признанию Мариона, его сестра ничего не знала о созревшем замысле совершить убийство. Он использовал её «втемную», предложив привести мужа к водопаду якобы для примирения, и та якобы поверила в искренность сделанного братом предложения. Этот момент, кстати, вызвал сомнения у многих следивших за процессом, даже присяжные после суда сообщали, что спорили о достоверности данного утверждения. Многие склонялись к тому мнению, что Сара прекрасно была осведомлена о плане расправы и активно подыгрывала брату, фактически заманивая мужа в ловушку, а Марион Айра в суде попросту выгораживал её. Тем не менее, старший брат полностью взял вину на себя, и в сделанном им признании Сара Литтл выступила в роли эдакого миротворца, который всерьёз надеялся примирить враждующих мужчин. Примечательно и то, что Чарльз, отправляясь на встречу, предполагал возможность некоей дуэли и на случай возможного обострения ситуации вооружился, вложив в рукав пальто подлокотник стула. Конечно, выбор оружия для поединка выглядит странным – уж лучше бы он обычный нож взял! – но каковы дворяне, таковы и дуэли!

Сара встретила мужа на подходе к водопаду в районе 22 часов 19 декабря, и они, спокойно разговаривая, двинулись к воде. Марион Айра не углублялся в детали нападения – совершенно очевидно, что оно оказалось неожиданным для Чарльза, поскольку тот не успел извлечь из рукава своё импровизированное оружие – подсудимый лишь признал, что на место встречи он пришёл с молотком под пальто. Он мог бы взять и нож, но предпочёл именно молоток, посчитав, что в случае обнаружения трупа повреждение головы от удара молотком не привлечёт внимания и будет сочтено естественным, последовавшим в результате удара о дно реки.

Панорама Рочестера в 1858 году – в то самое время, когда разворачивались события, ставшие темой настоящего очерка.

Всё у Мариона Айры получилось почти идеально – он ударил молотком ненавистного Чарльза Литтла, тот моментально рухнул, не произнеся ни слова, и свидетелей этому не оказалось. Мрачные тучи ползли по небу, шумел незамерзающий поток, и всё оказалось даже проще, чем представлялось поначалу. Оставалось бросить тело со скалы в реку Джинеси и насладиться видом того, как вода уносит к водопаду тело ненавистного врага – в точности по заповедям старика Сунь Цзы, которого Марион Айра, конечно же, не читал, но выводы которого интуитивно повторил. Без долгих проволочек Марион Айра поволок за руки тело Чарльза Литтла к скале и затем ударом ноги отправил его вниз. Можно было отправляться домой пировать!

Однако, на всякий случай Марион решил заглянуть со скалы вниз – очень уж ему хотелось посмотреть на то, как водный поток уносит противного зятя, скандалиста и забияки. К своему огромному удивлению убийца обнаружил, что тело в реку не упало – оно лежало на широком выступе под скалой, на том самом «балконе», который упоминался в начале очерка. В общем, как видим, теория и практика немного разошлись. Марион Айра на собственном опыте выяснил, что мало сбросить труп со скалы, надо предварительно посмотреть вниз и отыскать такое место, где нет скальных выступов! Как неожиданно, правда? Воистину прав был поэт: опыт, сын ошибок трудных...

Очевидно, труп надлежало сбросить в воду – если этого не сделать, то он будет обнаружен с восходом солнца! К этому выступу вела узкая и крутая тропинка, по которой можно было передвигаться, лишь хватаясь руками за выступы и сухой репейник, торчавший пучками из расщелин. Марион Айра решил спуститься на «балкон» и, в общем-то, даже спустился, но на последних метрах свалился на выступ, да так неудачно, что... сломал руку. От боли он потерял сознание. По-видимому, он являлся парнем не только бестолковым и неловким, но и вдобавок ещё с пониженным болевым порогом. Имея такие яркие таланты, ему бы следовало сидеть дома на печи, кушать манную кашу с маслом и просить добавки, а не промышлять убийствами в темноте.

Сестрица его, оставшаяся наверху скалы и видевшая падение бестолкового братца, принялась его звать. Тот не реагировал. Тогда Сара решила взять процесс в свои руки и завершить начатое. Не зря же говорится, хочешь сделать что-то хорошо – сделай это сам! Свежеиспечённая вдова стала спускаться по тропинке, которая была крутой и узкой... впрочем, об этом уже было написано чуть выше. В этом месте самые циничные читатели могут начинать хохотать в голос, поскольку последовавшее далее и впрямь оказалось смешным! Короче, Сара Литтл сорвалась с тропинки и чудом не улетела в реку Джинеси и далее в водопад. Женщина ничего лишнего себе не сломала, но здорово ободрала кожу на руках и ногах.

Пока она лежала, кряхтела и приходила в себя, очнулся её старший братец. Два переходящих калика – Марион и Сара – столкнули-таки труп Чарльза Литтла в шумевший ниже поток и, постанывая и заливаясь слезами, на четвереньках полезли вверх. Автор не сомневается, что если бы Тарантино пожелал снять по мотивам всех этих событий кинофильм, то получился бы истинный шедевр. Наверняка брату и сестрице было, что сказать друг другу, а место и время как нельзя лучше подходили для выражения взаимной приязни. И Тарантино, прекрасно умеющий конструировать пафосные диалоги, несомненно донёс бы до зрителя нужный градус эмоционального накала!

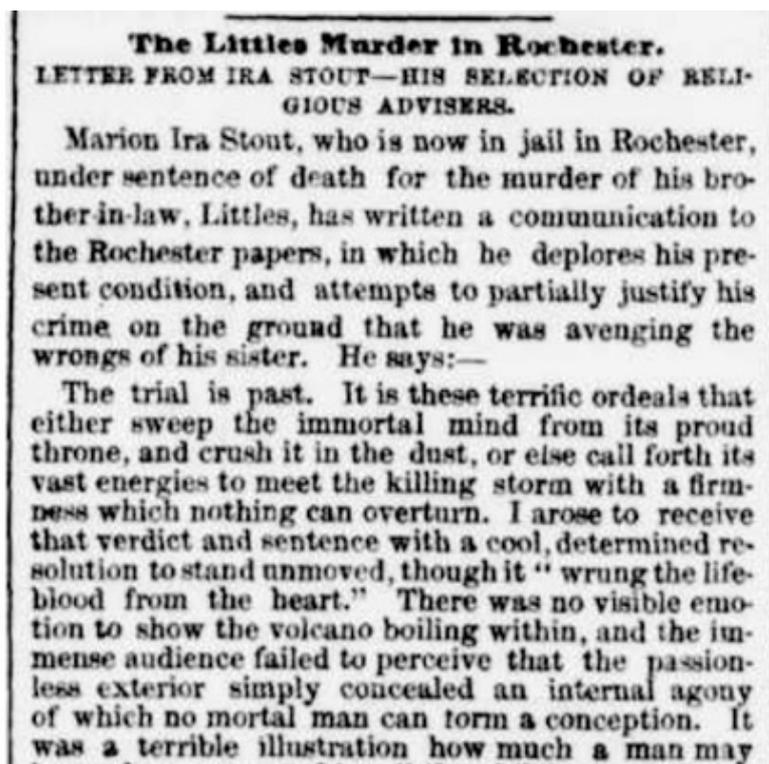
Выбравшись наверх, Марион Айра и Сара некоторое время отдыхали, приходя в себя и переводя дух. И только там, наверху, коварный убийца с ужасом обнаружил, что потерял свои очки. Причём перед спуском на «балкон» он убедился, что они находятся при нём, стало быть, очки остались либо на выступе скалы, либо упали в реку. Хотя у Мариона оставалась целой вторая рука и даже обе ноги, он не захотел повторно спускаться на «балкон», чтобы поискать там пропажу. Сестрица его тоже не захотела этим заниматься.

С чувством честно выполненного долга, усталые, но довольные они возвратились домой. Сара наложила любимому братцу на сломанную руку импровизированную шину и даже потратила некоторое время на очистку его одежды от приставших репьев, благодаря чему та на следующий день выглядела относительно чистой и внимания полицейских не привлекла. А вот до своего платья ввиду позднего времени руки не дошли. Да и свечку жечь было жаль – она ж денег стоит... Потому к моменту появления в доме полиции зелёное платье Сары Литтл оставалось покрыто предательским репейником, росшим у тропинки, по которой накануне ползала женщина.

В общем, сделанное Марионом Айрой Стаутом признание полностью подтверждало правильность обвинения в убийстве 1-й степени – то есть, заблаговременно спланированном, с использованием оружия и при содействии сообщника. Поэтому не надо удивляться вынесенному приговору к повешению, удивляться скорее следует тому, что Сара Литтл оказалась оправдана и не отправилась в петлю вслед за братцем.

Если бы история на этом закончилась, то очерк этот никогда бы не был написан, поскольку история незадачливого тупого убийцы, неспособного столкнуть труп в водопад, ломающего руку уже после совершения преступления и забывающего очки на месте убийства, представляется унылой и совсем неинтересной. Главный трэш, отбросивший на всю эту историю яркий отблеск кретинизма, или выражаясь помягче, абсурда, последовал после осуждения Мариона Айры.

Сидючи в местной тюрьме и явно не зная, куда приложить свои невероятные таланты, смертник надумал написать письмо брату убитого им Чарльза Литтла. Зачем? Да кто же его знает... Сам Марион в тот момент вряд ли сумел бы внятно объяснить цель своего поступка. Но поскольку просто написать письмо и передать его адресату показалось Мариону слишком скучным и банальным, он обратился к газетчикам с вопросом, не согласятся ли они опубликовать это письмо в газете? Редактор газеты «Rochester papers» ответил согласием без колебаний и раздумий. Мы не знаем, был ли обещан Мариону Айре гонорар, но 9 мая упомянутая газета обдала читателей соком мозга осуждённого к смертной казни убийцы.

В мае 1858 года Марион Айра Стаут обдал соком собственного мозга читателей газеты «Rochester papers». Газета в своём номере от 9 числа опубликовала весьма пространное письмо смертника брату убитого им человека.

Сразу сделаем необходимое пояснение – из-под пера убийцы вышел очень странный текст. Любой разумный человек, способный хоть немного обдумывать свои поступки и прогнозировать их последствия, написал бы что-нибудь о душевном волнении, вызванном осуждением, о том, что он сожалеет о трагической развязке, оставившей родителей убитого им человека без любимого сына, и тому подобном. Такая сострадательная интонация не обязательно свидетельствовала бы об искреннем раскаянии, но она во многих отношениях явилась бы выигрышной. Человек, написавший такой текст, мог бы рассчитывать на сострадание, внимание и снисхождение. В последующем, обращаясь к губернатору штата с просьбой о помиловании, смертник мог бы указывать на искренность своего раскаяния и в качестве примера оногo ссылаться на письмо родственникам жертвы. Для понимания этих нюансов не надо быть большим психологом, достаточно просто иметь голову на плечах.

Но именно с головой у Мариона и были проблемы. Он написал текст объёмом 7,8 тыс. знаков, содержание которого передать очень сложно. Он в высокопарных выражениях описал волнение, пережитое во время оглашения вердикта присяжных и... и это всё. Никакого сожаления, никаких попыток осмыслить пагубность выбранного им пути насилия, никаких размышлений о земной стезе истинного христианина – ни-че-го-шень-ки! Из письма невозможно понять, что автор хотел сказать этим текстом и для чего вообще предал бумаге поток своего сознания. Большой текст – и полнейшая смысловая пустота. Марион Айра ничего не сказал... Он мог вообще ничего не писать!

Ну ладно, написал и написал, а газета опубликовала, хорошо... Казалось бы, на этом всё должно закончиться, но нет – тут-то всё и началось!

Антон Павлович Чехов пошутил, сказав во время литературного вечера, что зуд писательства, посетив однажды, не оставляет более графомана наедине. Слова эти полностью применимы к Мариону Айре Стауту. Начиная с середины мая 1858 года он начал кропать письма и рассылать их по редакциям местных газет – прежде всего, «The New York herald» и «Rochester

papers», требуя публикации. Тексты, выходявшие из-под его пера, с точки зрения жителя XXI века, представляются совершенно бессмысленными.

Поскольку сидеть в камере смертников было и скучно, и грустно, Марион Айра решил развлечь себя написанием писем.

Так, например, в одном из писем он в весьма витиеватых выражениях рассуждает о том, что многие жители штата беспокоятся, кого же он выбрал в духовные наставники... но беспокоиться этим добропорядочным гражданам не следует, поскольку выбор ещё не сделан... за право быть его духовниками борются аж даже 3 уважаемых священника, из них 2 профессора богословия – преподобный Бордмен (Boardman), профессор Каттинг (Professor Cutting) и профессор Хотчкинс (Professor Hotchkins) ... и как только он – Марион Айра – сделает выбор, то непременно сообщит об этом через газеты населению штата.

Вы представляете, смертник через газеты будет оповещать жителей штата о том, кого именно выберет своим духовным пастырем! Трудно отделаться от ощущения, что летом 1858 года у Мариона Стаута крепко «поехала крыша», и притом «уехала» далеко. Это ни в коем случае не попытка автора пошутить – повод для иронии мало подходящий! – это вполне серьёзное подозрение.

Тексты Стаута при всей их внешней вычурности и явном стремлении автора продемонстрировать изящный слог удивительно беспомощны и бессмысленны. Это нагромождение пустых фраз, очень похожее на литературное творчество душевнобольных. Ломброзо представил замечательные образчики подобных творений, но произошло это гораздо позже, так что жители штата Нью-Йорк в 1858 году при всём желании не могли бы понять, что читают писания нездорового человека.

В период с середины мая до середины октября 1858 года – то есть за 5 месяцев – Марион Айра опубликовал в газетах порядка 15 посланий. Автор должен признаться, что испытывал соблазн привести здесь одно из таких писем, но отказался от этой затеи по двум причинам. Во-первых, ни один здравомыслящий читатель «Загадочных преступлений прошлого»¹ не станет тратить время на прочтение 5-6-7 тыс. знаков бессмысленной галиматии. А во-вторых, если я позволю себе подобное столь обширное цитирование, но наверняка найдутся люди, которые

¹ Это отсылка к сайту автора, на котором в свободном доступе находятся многие из моих произведений.

заподозрят автора очерка в стремлении растянуть повествование без должной для того необходимости. А подозрения таковые несправедливы, автор старается всегда писать настолько коротко, насколько это возможно [хотя, боюсь, не всегда это получается, ибо написать короткий, но ёмкий текст очень сложно].

Может показаться удивительным, но творчество Мариона нашло поклонников, точнее, поклонниц, очевидно, с нестабильной психикой, поскольку нормальный человек извергаемую им на бумагу жвачку для мозга попросту не осилил бы. Некоторые из поклонниц стали навещать убийцу в окружной тюрьме – это может показаться невероятным, но в середине XIX века режим содержания в каком-то отношении был мягче нынешнего. С одной из поклонниц Марион договорился о её помощи в осуществлении им самоубийства.

Да-да, после того, как прошение о помиловании губернатор штата Нью-Йорк отклонил, Марион решил наложить на себя руки, не дожидаясь того, пока это сделает палач. 12 октября 1858 года эта женщина – имя и фамилия её не оглашались и скоро станет ясно, почему – явилась на очередное свидание с Марионом, в ходе которого передала тому яд.

Через несколько часов – перед тем, как принять яд – узник написал матери прощальное письмо. Автор позволит себе в этом месте небольшую цитату сего литературного продукта, буквально пару предложений: «А теперь, матушка, ты послушай меня внимательно. Позволь мне сказать, что на основании этой книги, называемой Библией, существует воистину бессмертный и по-настоящему светлый мир, где вечно царят покой и счастье. Искренней молитвой и покаянием, истинной верой во Христа, чистой и святой жизнью можно достичь этого мира бессмертной красоты и совершенства. Хоть ты и жила, матушка, праведной христианской жизнью, но более глубоким чувством и чистотой веры ты сильнее вдохновишься величием истины и станешь ближе к Спасителю мира. Эта Библия, простая вера и молитва будут тебе опорой и утешением во всех бедах, и утешат на ложе смерти надеждой на счастливое бессмертие.»²

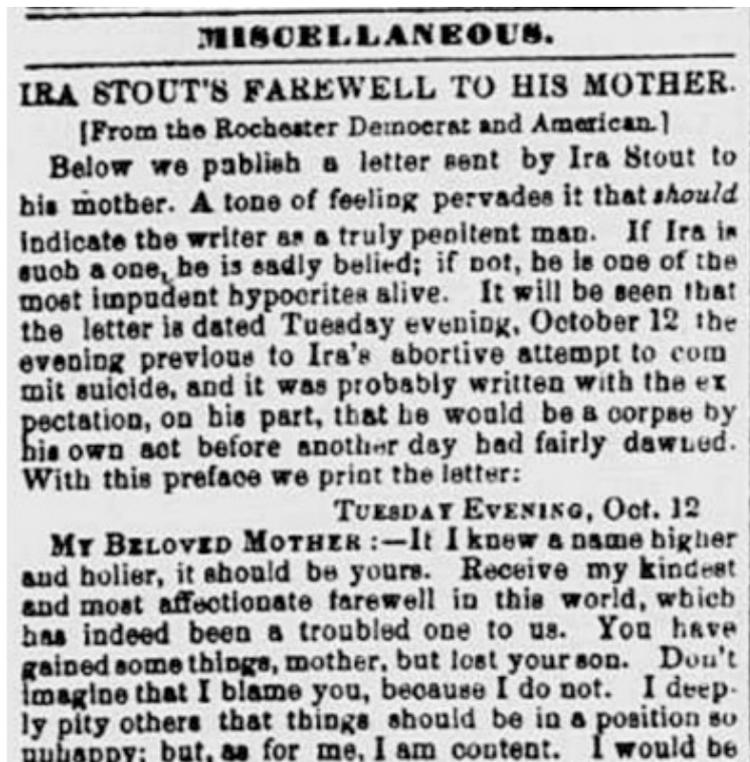
Этот поток сознания адресован матери и написан он – секундочку! – циничным убийцей, не раскаявшимся в содеянном преступлении. Особый подтекст этому письму придаёт то обстоятельство, что написано оно человеком, принявшим решение покончить жизнь самоубийством, что с точки зрения христианской Веры является тягчайшим грехом. Итак, задумайтесь над бэкграундом этого послания – человек, уже совершивший смертный грех [убийство] и намеревающийся совершить новый смертный грех [самоубийство], пишет нравоучительное письмо матери, в котором что-то там толкует про Библию, Христа и «мир бессмертной красоты». И ведь в его голове никакого когнитивного диссонанса не возникало... Поразительно!

Отправив письмо для опубликования в редакцию «Rochester papers» – ну а как ещё можно посылать письма матери?! – Марион Айра принял яд. Он сильно отравился, крепко мучился, но рвотный порошок и целительные клизмы не позволили ему умереть раньше времени. Ну, свезло так свезло, не поспоришь, не зря ведь народная мудрость гласит: Бог принимает не готового, а спелого... Вечером того же самого 12 октября приняла яд и та самая женщина, что раздобыла для Айры Стаута отраву. Дамочка написала прощальную записку, в которой объяснила случившееся, и... подобно Мариону не умерла. По-видимому, она что-то напутала с дозировкой, а возможно, что-то напутал аптекарь, заподозривший, что конская доза стрихнина приобретаетя вовсе не для потравы крыс.

Как бы там ни было, двойного суицида не случилось. Трагедия обратилась позорным фарсом и простынями, испачканными фекалиями, уж простите автора за натурализм [в данном

² На языке оригинала: «And now, mother, you will listen to me more than others. Let me say, on the authority of that book called the Bible, there is a better immortal and a brighter world, where peace and happiness reign eternally. By sincere prayer and repentance, a true faith in Christ, a pure and holy life, this world of deathless beauty and perfection may be attained. Though you have lived, mother, an upright Christian life yet, with a deeper feeling and a purer believe more strong the inspired truths of the interest, and live nearer the Saviour of the world. This Bible, simple belief and prayer will be your support and consolation under all troubles, and cheer the bed of death with a hope of happy immortality.»

случае он вполне уместен]. Коронерское жюри рассматривало вопрос о выдвижении обвинения в адрес женщины, но в конечном итоге от этого решено было отказаться, поскольку поведение малоумной дамы было объяснено её любовью к смертнику и чрезмерной экзальтацией. Чтобы не позорить женщину, её имя и фамилия были скрыты от общественности. А вот прощальное письмо Мариона Айры Стаута матери было опубликовано в газете без сокращений.

Начало заметки с текстом письма Мариона Стаута матери, написанного за несколько часов до попытки самоубийства.

Вообще же, трудно отделаться от ощущения, что с героем настоящего повествования всё получалось как-то не так, как должно – и убил он как-то нелепо, и с собой покончил неудачно. Надо сказать, что и с казнью его тоже всё сложилось несколько нестандартно, не как у людей.

Стаут, похоже, очень увлёкся написанием всяческих текстов и чувствовал себя чрезвычайно польщённым тем, что любая написанная им галиматья попадала на страницы местных газетёнок. Он подал прошение о помиловании на имя губернатора штата Нью-Йорк, но составил его в выражениях крайне неудачных – высокопарных и высокомерных. Судя по всему, он всерьёз верил в то, что губернатор не осмелится предать смерти такую яркую звезду местной журналистики, как он. Самое смешное, что, строго говоря, он не попросил губернатора о сохранении жизни. Вместо этого он довольно заносчиво написал: «Я не желаю демонстрировать трусливое упорство жажды жизни, но считаю неотъемлемым своим правом и долгом жить так долго, как смогу.» (Дословно: «I do not wish to show a cowardly tenacity for life, but I consider it my right and duty to live as long as I can.»)

Так писать прошения о помиловании, разумеется, нельзя. И не следует удивляться тому, что никто Мариона Стаута помиловать не пожелал.

Смертный приговор должен был быть приведён в исполнение 22 октября 1858 года. Как и полагается, смертник накануне казни был взвешен, и вес его оказался равен 186 фунтам, то есть 84,4 кг. Как видим, для своего времени он являлся мужчиной довольно крупным и плотным, всё-таки эпоха акселерации ещё не наступила! С учётом его веса длина верёвки была подобрана таким образом, чтобы обеспечить свободное падение тела с высоты 2,4 метра –

подобная высота должна была гарантированно обеспечить перелом шейных позвонков (технологии осуществления казни через повешение посвящён мой небольшой очерк «Удушение как способ казни», который можно найти в открытом доступе на сайте автора «Загадочные преступления прошлого»).

Окружная тюрьма в Рочестере имела передовую по меркам того времени виселицу, её можно с полным основанием назвать малозаметной. Повешение производилось в комнате 2-го этажа, в которой раскрывающийся люк (в просторечии «западня») был искусно замаскирован паркетом. Верёвка с петлёй пропусклась через блок этажом выше – там находилась мансарда, и смертник вплоть до последних секунд верёвки не видел. Зрители размещались внизу – в зале 1-го этажа – и приговорённый их также не видел.

Итак, смертника вводили в помещение, предлагали произнести последнее слово, он его произносил [либо не произносил – это не суть важно] и оставался в уверенности, что это ещё не казнь, ибо виселицы нигде не видно и зрителей также нет. А между тем, на каждую казнь приглашалось по 100—150 человек, да кроме них приводились и заключённые тюрьмы, дабы они посмотрели на происходящее, так сказать, в назидание. После того, как смертник произносил последнее слово, ему на голову набрасывался капюшон, далее надевалась петля со скользящим узлом за правым ухом, и следовал свисток. По свистку стоявший на 1-м этаже палач дёргал верёвочку, привязанную к щеколде, запиравшую «западню», щеколда сдвигалась, створки люка открывались и приговорённый живописно падал практически на головы стоявших внизу людей.

«Законники» округа Монро очень гордились своей необыкновенной виселицей – гуманной и такой внезапной! Но в случае с Марионом Айрой Стаутом внезапная виселица внезапно сработала не так, как должно. После свистка «западня» благополучно раскрылась, и Марион полетел вниз. Упав на 2,4 метра, как это и было изначально рассчитано, он повис, дёргаясь в петле. Шея его, очевидно, не сломалась.

Проходили минута за минутой, но конвульсии смертника в петле не прекращались. Нескольким зрителям, стоявшим в непосредственной близости от повешенного, стало дурно – их вынесли из помещения на свежий воздух. По прошествии 8 минут тюремщики поставили возле висящего тела специальную стремянку, дабы врач мог подняться по ней и проверить работу сердца.

За ходом казни следили 2 доктора коронерской службы – Холл (Hall) и Эйвери (Avery – да-да, тот самый, что уже упоминался в настоящем очерке!). Доктора по очереди поднялись к висящему телу и проверили работу сердца – оно билось! Врачи были несколько смущены таким результатом и, объявив, что повешенный жив, предложили присутствующим лично в этом убедиться. Среди зрителей находились доктора Джеймс (James) и Миллер (Miller) – оба пожелали удостовериться в чуде. Поднявшись по стремянке и припав к обнажённой груди повешенного, врачи подтвердили правоту коллег из коронерской службы.

Происходившее не находило естественнонаучного объяснения. Присутствовавшие юристы принялись обсуждать, можно ли поднять повешенного наверх, заново укрепить петлю на шее и повесить вторично, или это будет «вторая смертная казнь», выходящая за пределы приговора суда. Одновременно дискутировалась возможность и противоположного исхода, то есть извлечение повешенного из петли и возвращение его к жизни, уж коли повесить его в «разумные сроки» не удалось.

На протяжении почти 40 минут (!) врачи по очереди поднимались к висевшему в петле телу и проверяли наличие сердцебиения. Лишь спустя более получаса с момента повешения они сошлись в том, что сердце остановилось, и приговорённого можно снимать с виселицы. Выждав для верности ещё несколько минут, они дали команду палачу перерезать верёвку.

Тело убийцы было доставлено в один из частных моргов для подготовки его к погребению. Но по прошествии 12 часов служащие похоронной компании обратили внимание на то,

что у трупа не проявляется посмертная симптоматика – не образуются трупные пятна и не проявилось посмертное окоченение. Местные мастера ланцета приняли за реанимационные мероприятия, в частности, они пытались «запустить» сердце повешенного мощными разрядами электрического тока, производимого «лейденскими банками». Кстати, автор должен признаться, что это первый известный ему достоверный случай использования электрического тока в подобных целях, хотя, по-видимому, для 1858 года он уже не являлся экзотикой [поскольку «лейденские банки» оказались в самой заурядной похоронной компании в провинциальном американском городке]. К коронеру округа Монро был отправлен посыльный с сообщением о попытке оживить казнённого. Коронер интереса к этому сообщению не выказал и в случае оживления умершего рекомендовал вызывать полицию, дабы та доставила Мариона в тюремную больницу.

К счастью, вернуть к жизни этого чудака не удалось, и он, в конце концов, обрёл покой на кладбище «Mount Hope» в Рочестере. Место его захоронения с номером «60» на могильном камне сохранилось донныне как безмолвное напоминание о необычном преступнике, умудрившимся запороть почти беспроектное дело, а вместе с ним и собственную жизнь.

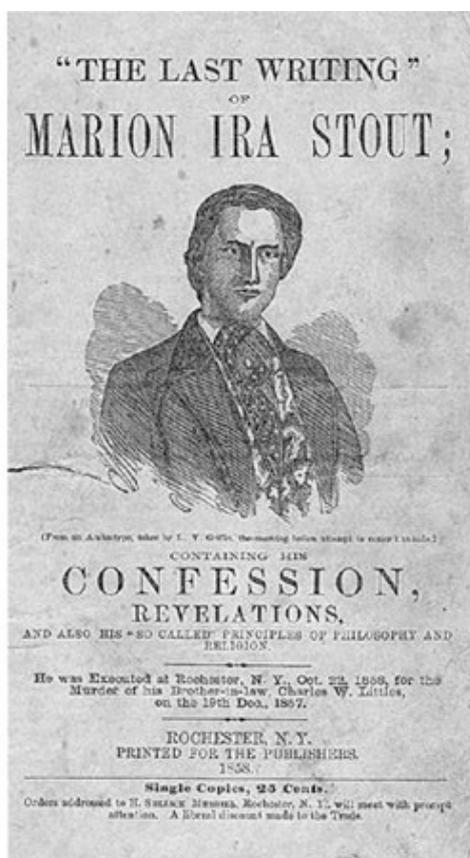
Могила Мариона Айры Стаута на кладбище «Маунт хоуп» в Рочестере, штат Нью-Йорк.

После смерти Мариона Айры была издана небольшая книжечка с его признанием в убийстве Чарльза Литтла и некоторыми письмами. На её обложке помещён портрет сего малопочтенного мужа, использованный в настоящем очерке, а вот портретов других действующих лиц, к сожалению, автору отыскать не удалось.

История жизни и смерти Мариона Стаута как нельзя лучше иллюстрирует правильность замечательной русской пословицы «и жил грешно, и подох смешно». Не подлежит сомнению наличие у него неких серьёзных проблем с головой – мы не можем ничего сказать о возможном диагнозе, поскольку никто никогда Мариона не обследовал надлежащим образом, но даже то обстоятельство, что он оставался жив долгое время с петлёй на шее, то есть в состоянии крайней гипоксии (кислородного голодания), убедительно подтверждает данное предположение. Мозг его работал совсем не так, как мозг здорового человека.

Публикацию его писем в газетах можно воспринимать как своего рода исторический курьёз. Современники просто не понимали, что видят перед собой результат творческих усилий глубоко нездорового человека. После того, как Ломброзо в приложении к своему знаменитому труду «Гениальность и помешательство», изданному в 1885 году, привёл выразительные примеры литературного творчества душевнобольных, даже далёкие от психиатрии люди

начали понимать, что пишут руками не только писатели. И графоман почти всегда является не просто увлечённым человеком, лишённым литературного вкуса, а по-настоящему нездоровым.

Посмертное издание признания Мариона Айры Стаута в убийстве Чарльза Литтла и некоторых из его писем, опубликованных в газетах штата Нью-Йорк в период с мая по октябрь 1858 года.

Именно по этой причине Антон Павлович Чехов, на вопрос «как отличить писателя от графомана?» неизменно отвечал: «Это очень просто. Графоман не может не писать!» За кажущейся шутовщиной формулировки скрыт глубокий смысл и понимание правды жизни.

Что же касается невезучести Мариона Айры... Тут остаётся только вздохнуть и развести руками! Воистину, чудак всё делает не так. Действительно, встречаются люди воистину феерического невезения. Могу привести пример, основанный на собственном жизненном опыте, я сразу припомнил его, едва прочитав о Марионе Стауте.

В дни моей далёкой, первой по счёту, молодости знавал я одного специфического товарища, назовём его Владимир Ч., дабы не позорить перед близкими и потомками. Парень был хороший, добрый, незлобный, но дурак, такой, знаете ли, жизнерадостный идиот, всегда энергичный, бодрый, громогласный, с улыбкой на губе, вечно пытающийся пошутить [как всегда, неудачно], эдакое зримое воплощение 33-х несчастий. Если Володя Ч. шёл магазин – магазин закрывался на переучёт прямо перед его носом, если он направлялся в поликлинику – там выявлялся туберкулёз, и всех случайных посетителей направляли в тубдиспансер на обследование, если он являлся в военкомат – то даже обладателей заветной советской справки «форма 9» [бронь от призыва на основании учёбы в ВУЗе из особого списка Министерства высшего образования СССР] призывали на действительную военную службу...

В общем, человек-авария. Ходячая катастрофа.

Несмотря на общую тупизну, Володя Ч. закончил ленинградский Военмех и принялся лепить карьеру. Поскольку к инженерному труду он был неспособен ввиду общего низкого уровня интеллектуального развития, то карьеру он стал строить на ниве общественно-политической работы. Пошёл в профком, оттуда выдвинулся в бюро комсомола оборонного завода, стал ходить с папочкой и в галстук, и для дальнейшего карьерного роста понадобился ему партбилет. Долго у него не получалось записаться в коммунисты, будущие товарищи по партии, видимо, низом живота чувствовали, что сей персонаж будет их скорее компрометировать, нежели помогать, но... но сей необыкновенный оригинал в конце концов бюрократическую стену протаранил, и перед его энтузиазмом сдались даже коммунисты. Уж на что коммуняки являлись крючкотворами и формалистами, но перед напором Вовочки Ч. сдались даже они. В начале августа 1991 года мечта идиота сбылась! Вова Ч. получил заветную красную книжицу...

А через 2 недели приключился ГКЧП, и КПСС распустили. И знаете что? Терзают автора порой смутные подозрения, что если бы Володя Ч. не подался в коммунисты, то наша общая история последних 30 с лишком лет оказалась бы совсем иной.

1920 год. Женщина, которая смогла («Дело Лиды Трублуд»)

Глупец, сказавший, будто путь к сердцу мужчины лежит через желудок, был не только глупцом, но и импотентом. Мужчины с нормальным либидо согласятся с тем, что путь к сердцу имеет маршрут более заковыристый и пролегает мимо желудка. Чревоугодие – это порок, угнетающий половое чувство, не зря же говорится, что справный мужик толстым не бывает. Умные женщины понимают эту простую истину, хотя и не всегда в этом признаются! Они могут использовать своё понимание мужской природы для достижения желаемого, действуя вероломно, подло и очень жестоко.

Этот очерк как раз о такой женщине.

16 октября 1892 г. в местечке Кейтсвилл (Keytesville), штат Миссури, в семье с говорящей фамилией Трублуд (английское слово Trueblood можно буквально перевести как «настоящая кровь» или «истинная кровь») родилась девочка. Назвали её вычурно, можно даже сказать, с претензией – Лайда Энн Мэй (Lyda Anna Mae), далее мы будем называть её в более привычной русскому уху транскрипции «Лида». Семейка с говорящей фамилией жила на Среднем Западе уже несколько поколений и, насколько мы сейчас можем судить, имела некоторые специфические традиции, характерные для жителей тамошних пустынных буераков.

Читателям моего сайта «Загадочные преступления прошлого», безусловно, знакома старая американская шутка, гласящая, что если дочь фермера остаётся девственницей в 14 лет, стало быть, она бежит быстрее отца и братьев. Семья Трублуд – это как раз тот случай, когда мы можем сказать, что в этой шутке есть только доля шутки. Дедушка Лиды по имени Бенджамин в возрасте 21 года догнал-таки свою младшую сводную сестрёнку, которой едва исполнилось 14 лет, после чего у девочки случилась беременность. Чтобы как-то прикрыть приключившийся срам, будущий дедушка взял сестрицу замуж, разумеется, скрыв родство и завысив возраст невесты. Впрочем, завышение возраста непозволительно юной невесты являлось нормой для Америки вплоть до середины XX века (кто читал мой очерк «1911 год. Убийство на карандашной фабрике» в сборнике «Американские трагедии. Книга IV», сразу поймёт, о чём идёт речь, кто не читал – тому следует прочесть, там приведена весьма показательная история из американской жизни, которая замечательно иллюстрирует высказанную мысль). Как нетрудно догадаться, добром такой союз не закончился да и закончиться не мог, будущий дедушка быстро пресытился сестрёнкой, в смысле женой, бросил её и провёл жизнь в неприжудённых блужданиях от одной женщины к другой. Некоторых из них он даже брал в жёны, но не всех и нечасто. Активная половая жизнь сопровождалась не менее активным бытовым алкоголизмом, а потому неудивительно, что предприимчивый дедушка Бенджамин умер в 1915 году, отравившись суррогатным алкоголем.

Как это часто бывает, специфические ужимки папаши передались сыну, в данном случае, от деда – отцу Лиды Трублуд. Сейчас нет точных данных об инцесте внутри большой семьи [6 детей!], но исключать таковой нельзя, а скорее даже, можно и нужно допускать вероятность чего-то подобного, поскольку Уильям Трублуд, папаша Лиды, демонстрировал целый букет антисоциальных наклонностей. Известно, что он неоднократно бросал семью, а потом возвращался, подозревался в мелких хищениях [за что арестовывался полицией], само собой, безудержно пил. Имея склонность к бродяжничеству, он частенько и надолго уходил из дома, то есть его эмоциональная связь с детьми была ослаблена, и мы знаем, что именно такого рода родители склонны к сексуальному домогательству к собственным детям. Непутёвый папаша любил спиртное и не отказывал себе в этом маленьком удовольствии. Ко времени собственной

смерти в возрасте 64 лет он стал абсолютной развалиной, близкие не хотели о нём слышать, в результате чего он скончался в доме престарелых, всеми позабытый и отторгнутый.

Помимо алкоголиков, в роду Лиды были и самоубийцы, что для любого человека, даже поверхностно знакомого с психиатрией, является индикатором наследственного неблагополучия душевного здоровья. Один двоюродный дед повесился в амбаре, другой родственник при довольно странных обстоятельствах погиб на охоте, на которую отправился в одиночку. Он умудрился выстрелить в енота из охотничьего ружья настолько неудачно, что попал в собственную голову. В роду было много тюремных сидельцев, по меньшей мере, 3 двоюродных брата героини очерка не просто попадали в тюрьмы, а делали это неоднократно и, возможно, даже с удовольствием, что позволяет их с полным правом считать рецидивистами.

Как видим, семейка, олицетворяющая собой самую соль земли американской, на протяжении нескольких поколений дарила обществу людей антисоциальных и явно не вполне здоровых душевно.

Удивительно то, что на фоне, мягко говоря, яркой родни Лида Трублуд производила впечатление очень приятное и человеческое. Эдакий homo sapiens sapiens в стаде бешеных гамадрилов... Насколько мы сейчас можем судить по воспоминаниям людей, знавших её в юности и отрочестве, Лида была живой, общительной и очень милой. Дурная кровь семейки Трублуд как будто бы её не затронула.

Лида Трублуд, по воспоминаниям видевших её в годы молодости, являла собой эталон женской привлекательности.

По-видимому, именно этим объясняется то, что мужем Лиды стал друг её детства Роберт Дули (Robert Dooley). Известно, что Роберт был знаком с Лидой довольно долго, возможно, лет 8—10, он пытался за ней робко ухаживать и вроде бы поначалу не очень удачно. Роберт был невысок ростом и выглядел не очень-то маскулинным на фоне той миссурийской деревенщины, что увивалась вокруг симпатичной девицы. Но в какой-то момент Роб додумался сделать объекту своего вождения предложение, которого не могли сделать другие ухажёры.

Он предложил Лиде уехать из миссурийских буераков. Лида думала недолго, в Миссури её ничто не удерживало, кроме родственников-алкоголиков, но, как вы понимаете сами, это был не тот клад, за который следовало крепко держаться. Она и уехала!

С этого момента, собственно говоря, и начинается сие повествование...

Роберт и Лида уехали более чем за 1,8 тыс. км на запад – в штат Айдахо, в местечко Твин-Фоллс (Twin Falls), где в то время активно развивалась система ирригации и земель-

ные наделы продавались переселенцам. Сам город Твин-Фоллс был создан лишь несколькими годами ранее – в апреле 1905 года, тамошняя жизнь бурлила и сулила отличные перспективы для всех, желающих заняться бизнесом на новых территориях.

В Твин-Фоллс уже проживало более 5 тыс. человек, имелся телефон, телеграф, работали отделения 3-х банков, имелась больница, зубоврачебные кабинеты, рестораны... В общем, это было очень достойное место на фоне беспросветного миссурийского уныния!

Роберт Дули приглашал свою избранницу отнюдь не на пустое место. В Твин-Фоллс уже обосновался его братишка Эд (Ed Dooley), купивший два участка и построивший первый дом. Предполагалось, что Эд оставит дом Робу и построит новый на соседнем участке, однако компания Роберта и Лиды показалась ему настолько приятной, что он решил никуда не уезжать. И вот так они зажили все вместе – братья Дули и Лида.

Лида сочеталась браком с Робом 17 марта 1912 года, и зажили они всем на зависть жизнью тихой и спокойной. Автор сразу хочет сообщить [дабы исключить всякую недосказанность], что нам сейчас ничего не известно о характере отношений внутри этой троицы, всё-таки длительное проживание двух молодых мужчин под одной крышей с молодой женщиной, женой одного из них, по тем временам не могло считаться нормой. Была ли у них «шведская семья» или вполне себе баптистская, неизвестно, но для настоящего повествования это даже и неважно. Ибо основная интрига, как мы скоро увидим, оказалась завязана отнюдь не на отношения Лиды с братьями Дули.

Твин-Фоллс в первом приближении! В 1910 году, когда был сделан этот снимок, в Твин-Фоллс уже стояли каменные дома, имелись вывески, по широким улицам катались брички и бегали собаки. Помимо этого, в числе неявных благ цивилизации присутствовали телефон, телеграф, почта и отделения банков. Не имперская столица, конечно же, но в сравнении с миссурийскими хлябями – очень даже достойное место.

16 сентября 1913 года у Роба и Лиды родилась дочка Лорейн (Lorraine), получившая имя в честь матери Лиды. Всё в жизни вроде бы складывалось хорошо – братья работали на ферме, растили бычков, зарабатывали неплохие деньги, Лида растила ребёнка, Роберт хотел новых детишек.

Однако 17 августа 1915 года Эдвард Дули скоропостижно скончался. Накануне он забил и освежевал бычка, часть мяса отвёз в магазин в Твин-Фоллс, а часть оставил на ферме, забыв спрятать в погреб и не засолив. Мясо за ночь подпортилось, ибо погода стояла очень жаркая, но Эд не захотел его выбрасывать. Решил, что его можно хорошенько промыть с уксусом, сварить, и всё будет хорошо! В общем, пожадничал...

Хорошо, однако, не стало. Не прошло и часа после принятия пищи, как Эд лежал ничком, потел и дрожал. Врач ничем не помог, и через несколько часов молодой сильный мужчина умер на руках Роба и Лиды.

Сообщение об отравлении протухшим мясом не вызвало подозрение coronera – на самом деле это было довольно типичное для тех мест и времени событие. Тем более что случившееся подтверждалось показаниями двух взрослых свидетелей, имевших возможность наблюдать ход событий от их начала до конца – Роберта и Лиды. Коронер указал в качестве причины смерти отравление птомаином и постановил уголовное расследование не открывать.

Супруги остались на ферме умершего брата и продолжили жить, словно бы ничего не произошло. Неприятности, однако, далеко не ушли.

10 октября всё того же 1915 года Роб слёг с какой-то желудочно-кишечной гадостью. Его мучила лихорадка, сильные боли в животе, общее недомогание. Был вызван врач, диагностировавший брюшной тиф. Эта болезнь является опасной даже по меркам нынешней медицины, а для начала XX столетия данное заболевание безо всякого преувеличения можно было назвать грозным. Процент смертельных исходов заболевания был очень велик, например, во время знаменитой «тифозной вспышки в Кройдоне» (Croydon) в 1937 году умерло 12% от общего числа заболевших.

Семья Дули: Роб, Лида и маленькая Лорейн.

Поэтому вряд ли кто-то сильно удивился, когда 12 октября Роберт скончался. Коронерское жюри ничего криминального в произошедшем не усмотрело, врач ведь поставил диагноз брюшной тиф! На том дело и закончилось...

Лида осталась с любимой малышкой и стала искать работу в Твин-Фоллс. Девочка надолго оставалась одна, что, конечно же, было небезопасно. И дело тут даже не в безопасности матери, а в жизненных обстоятельствах – ферма стояла обособленно, расстояние до бли-

жайших домов превышало 400 метров, а потому к соседям за помощью не набегаешься! Да и соседи люди занятые, им нельзя всё время «подбрасывать» маленького ребёнка.

В общем, проницательные читатели без особых затруднений предугадают дальнейший ход событий. Лорейн тоже внезапно заболела и умерла 30 ноября 1915 г., спустя всего полтора месяца после смерти отца. Лида на допросе коронерским жури так и высказалась, дескать, это, наверное, Роб забрал с собой девочку, не хотел оставаться без дочери.

Поскольку такое объяснение никого из должностных лиц не могло устроить, Лида предложила другое, более реалистичное. По словам матери, девочка в её отсутствие выпила некипячёную воду. Такое незамысловатое и старое, как мир, объяснение устранило все вопросы. Лорейн предали земле, и все о случившемся позабыли.

Лида не имела никаких прав на ферму брата мужа, а потому она переехала на жительство в Твин-Фоллс. Там она устроилась работать официанткой в лучший ресторан города, принадлежавший Уильяму МакХаффи (William G. McNaffle). Очень быстро молодая – всего 23 года! – привлекательная вдова сделалась «лицом» заведения. Ковбои и землепашцы всех возрастов и национальностей шли в ресторан МакХаффи, чтобы рассказать Лиде о планах на урожай, росте надоев и темпе отёлов, а весёлая официантка всех выслушивала, всех расспрашивала и всем улыбалась.

Могила Лорейн Дули, дочери Лиды и Роберта Дули.

За несколько недель дела ресторана пошли настолько хорошо, что Уильям всерьёз задумался над расширением бизнеса. Тут самое время заметить, что Уильям происходил из семьи одного из богатейших местных фермеров и, хотя приличного образования не получил, являлся мужчиной весьма привлекательным, энергичным и полным сил, из тех, о ком говорят, что у них большое будущее. Он был всего-то на 3 года старше Лиды [родился 23 марта 1889 года], так что возникновение обоюдного интереса молодых привлекательных людей выглядит вполне оправданным. К тому времени, когда у Уильяма возникли идеи по расширению бизнеса, он уже решил все сексуальные вопросы с симпатичной официанткой – это, практически, несомненно, ибо в противном случае он не стал бы советоваться с Лидой, что называется «на равных». А он

стал, из чего мы можем заключить, что Лида право голоса уже заслужила. И на правах советника она рекомендовала Уилльямму подумать над тем, чтобы оставить Твин-Фоллс и податься в места более перспективные. Куда? Ну, например, в Хардин (Hardin), штат Монтана, за 650 км на северо-восток от Твин-Фоллс.

Хардин очень напоминал Твин-Фоллс. Населённый пункт, получивший статус города лишь в 1906 году, активно развивался и заселялся. Выгоды переезда были совсем не очевидны, за исключением одного только соображения – тогда в Хардине существовал один из самых маленьких в США акцизов на торговлю алкоголем – 240\$ в год [в других местах – от 400\$ и выше, в Чикаго, например, 1,5 тыс.\$]. Существовал, правда, и ещё один весомый довод в пользу переезда, но Лида вряд ли упоминала о нём вслух. Дело в том, что в Монтане никто Лиду не знал, а стало быть, никто не смог бы упрекнуть её в интрижке, последовавшей практически сразу после смерти мужа. А как мы увидим из дальнейшего хода событий, для Лиды было важно, чтобы окружающие лишнего о ней не знали.

Мы можем не сомневаться в том, что Лида Дули, она же Трублуд, умела быть убедительной и добиваться от мужчин желаемого. В случае с Уилльяммом МакХаффи она смогла добиться всего, чего желала – в апреле 1916 года они переехали в Монтану, там сочетались браком и стали присматривать варианты для открытия бизнеса. Они уезжали из Хардина, возвращались и, в конце концов, решили остаться в этом городке. В общем, Лида начала жизнь с чистого листа, причём в таком месте, где никто не знал ни её, ни её историю.

Всё вроде бы шло хорошо – супруги МакХаффи открыли ресторан, который быстро стал популярен, денежки потекли не то, чтобы бурным потоком, но устойчиво и в достаточных объёмах. В русских сказках в таких случаях принято говорить: «Жили они, поживали, добра наживали». Благолепие продлилось не очень долго. В середине декабря 1918 года Уилльям слёг с чем-то, что врач посчитал дифтерией – у него опухли лимфоузлы, появилась боль при глотании, болели суставы, мышцы, периодически возникали лихорадочные состояния, которые сменялись вялостью и упадком сил. Буквально через день к этому добавилась гриппозная симптоматика, что было хорошо объяснимо – в том декабре в Хардине многие болели гриппом.

Поначалу всё это выглядело не очень опасно, тем более, что Уилльям бодрился и демонстрировал свой всегдашний оптимизм, однако 20 декабря состояние его резко ухудшилось – он впал в забытьё, последовал отказ внутренних органов, и в течение 48 часов мужчина скончался в тяжких страданиях.

Могила Уильяма МакХаффи, второго любимого мужа Лиды.

У местных шерифа и коронера не было оснований подозревать что-то нехорошее, ведь доктора, посещавшие Уильяма МакХаффи в последние дни жизни, уверенно говорили о дифтерии, осложнённой гриппом! Тем более что шериф и коронер были лично знакомы с Лидой, так что... Все жалели молодую вдову, оставшуюся одной-одинёшенькой в возрасте 26 лет! Да Лида и сама была безутешна, ведь это такой удар – потерять горячо любимого супруга, единственную надежду и опору в этом безумном мире бушующих страстей... или в бушующем мире безумных страстей, как правильнее?

В общем, Лида продала ресторан и поскорее покинула Хардин, где каждый кирпичик и каждая травинка на газоне напоминали ей о пережитом горе. Отправилась она туда, где её никто не знал, но не очень далеко – в город Биллингс (Billings) всё в той же Монтане, удалённый от Хардина на 70 км.

Самые проникательные читатели в этом месте могут предположить, что выбор нового места жительства не был случаен. И не ошибутся! Биллингс в те годы являлся одним из самых быстрорастущих городов США, и на то имелась веская причина. В начале столетия в окрестностях Биллингса были открыты нефтяные поля, тянувшиеся на юг, в штат Вайоминг. Город стал своего рода столицей нефте-, а затем и газодобычи, крупным центром перевалки нефти. В каком-то смысле его можно сравнить с Новым Уренгоем в современной России, с той только поправкой, что речь идёт о событиях 100-летней давности. В этом городе были деньги, и были люди самого разного пошиба.

В общем, безутешной, но взыскательной вдове было, где развернуться, и было с кем работать!

Что делает женщина, желающая познакомиться с состоятельным мужчиной? При этом желающая обставить знакомство так, чтобы не выглядеть заинтересованной и чтобы сам мужчина пожелал с нею познакомиться? Правильно – она отправляется в автомобильный салон и делает вид, будто намерена выбрать автомашину, но, поскольку ничего в этом не понимает, то нужен кто-то, кто... Автор полагает, что дальнейшее объяснять не нужно даже тугодумам.

Лида отправилась в автомобильный салон якобы за машиной. Мужчины, безвозмездно дававшие ей ценные советы, думали, что она выбирает машину, но на самом деле Лида выбирала мужчину. В конце концов, она сочла, что владелец автосалона Харлан Льюис (Harlan C.

Lewis, хотя также встречается написание имени как Harlen и Harlam) – это тот человек, который удовлетворяет её высоким требованиям.

Вряд ли у Лиды возникли какие-то проблемы с достижением желанной цели! Эта женщина знала правильную дорогу к сердцу мужчины, и потому уже в марте 1919 года 33-летний Харлан повёл любимую под венец.

Харлан Льюис родился 15 сентября 1885 года и, хотя он был старше предыдущих мужей Лиды, тем не менее, его скорее можно назвать молодым, нежели зрелым.

И всё в их жизнях было хорошо ровно до 4 июля того же года. В День независимости, один из главных праздников Соединённых Штатов, Харлан на пикнике съел не прожаренное мясо, у него началась диарея, рвота, поднялась температура. Его состояние быстро ухудшалось, возникли сильные боли в суставах и мышцах, общая слабость. В полубессознательном состоянии мужчина пробыл около 30 часов, и 6 июля в присутствии лучших врачей Биллингса он скончался. Врачи были единодушны – коварный гастроэнтерит унёс энергичного и во всём успешного члена общества!

Вдова была безутешна! И все её понимали – такая молодая – всего-то 27 лет! – нашла такого прекрасного мужа, создала такую замечательную семью, какие у них могли бы быть изумительные детишки, и какую завидную жизнь могли бы они прожить, но... Воистину, судьба – индейка, а жизнь – копейка!

Впрочем, сочувствие вскоре сменилось недоумением. Биллингс являлся городом относительно небольшим – порядка 10 тыс. человек, – и прослойка состоятельных людей, в которой вращался покойный, не могла быть очень большой. Знакомые Харлана, активно обсуждавшие между собою случившееся, стали обращать внимание на разного рода подозрительные мелочи, странности и нестыковки. Лида познакомилась с будущим мужем под предлогом покупки автомашины, но ведь так её и не купила! Кому-то она сказала, будто приехала в Биллингс из Канады, а другому – что из Мэриленда. Лида была состоятельна – это не вызывало сомнений, но источник её благосостояния оставался неясен. Она говорила, будто получила наследство, но родители её были вроде бы живы и рассказы об унаследованных деньгах казались обычной отговоркой. В общем, вопросов к молодой вдове было много, но более всего тамошних обывателей смущала быстрота, с которой всё произошло – Лида появилась в Биллингсе из ниоткуда в январе 1919 г., в марте она увела под венец самого завидного жениха, а в начале июля уже его похоронила.

Всё это вызывало определённое недоумение, но оно вскоре сменилось подозрительностью. Пищей для неё послужило то, как Лида распорядилась положенным ей имуществом и средствами. Вдова должна была унаследовать 1/4 часть всего, чем владел муж, причём доля эта не могла быть оспорена или уменьшена, в случае Харлана Льюиса это был весьма приличный кусок! Однако, чтобы его заполучить, надлежало вступить в наследство, а это было возможно по истечении 6 месяцев с момента смерти владельца имущества. Лида не стала выжидать 6 месяцев, а продала право требования юридической фирме [ещё раз подчеркнём – она продала не часть имущества мужа, а право требовать причитающуюся ей 1/4 долю по истечении полугода]. Продала, разумеется, с большим дисконтом, то есть, фактически потеряв большие деньги!

Её действия поразили всех, кто был знаком с историей Харлана Льюиса. Почему вдова отказывается от весьма значительной части состояния вместо того, чтобы подождать 6 месяцев и получить гораздо больше? Её действия выглядели так, словно Лида хотела поскорее сбежать из Биллингса...

Мы-то сейчас понимаем, что Лида Льюис, она же МакХаффи, она же Дули, она же Трублуд, действительно хотела сбежать из Биллингса как можно скорее, но окружающим её людям подобное намерение казалось необъяснимым. И потому подозрительным!

Лида, разумеется, узнала о разговорах, связанных со смертью мужа и её последующими действиями, но отступать не стала. Видимо, она понимала, что время работает против неё.

Закончив в кратчайшее время с делами в Биллингсе, Лида попрощалась с друзьями и, сказав, будто отправляется в Канаду, выехала в северном направлении. Впрочем, до Канады она не доехала и, в конечном итоге, оказалась на юге, в штате Айдахо. Примерно так и примерно в то же время ходил по Украине товарищ Щорс, если верить известной песне [«он шёл на Одессу, а вышел к Херсону»].

Покатавшись по просторам Айдахо, Лида остановилась в городке Покателло (Pocatello), удалённом от Биллингса почти на 500 км. У нас очень мало информации о том, что происходило в жизни Лиды на протяжении последующих месяцев, но мы знаем, что 10 августа 1920 года она вышла замуж за местного жителя Эдварда Мейера (Edward F. Meyer). В отличие от предыдущих мужей Лиды, он не имел собственного бизнеса и, по-видимому, не был богат. Эдвард руководил бригадой сельскохозяйственных рабочих на крупной ферме. Судя по всему, он являлся человеком вполне заурядным, много работавшим и не имевшим времени на какие-либо увлечения, развлечения и досуг вообще.

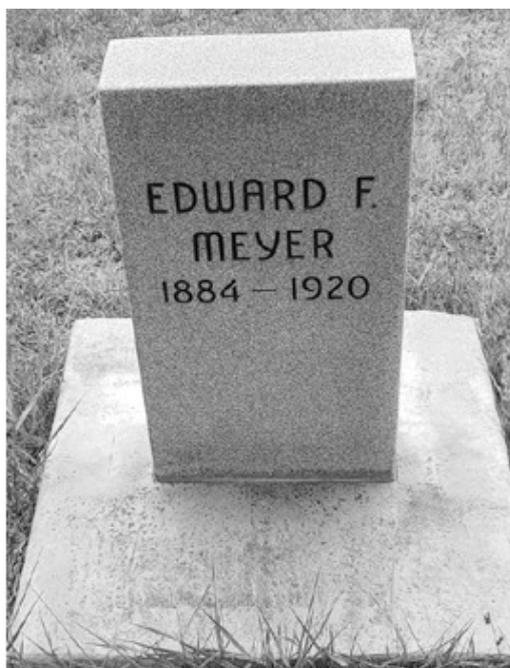
Но Лиде это, в общем-то, не было нужно. К этому времени – а ей уже шёл 28-й год – женщина поняла, что от людей заметных и неординарных следует держаться подальше, поскольку тихие, заурядные мужчины меньше привлекают к себе внимания.

Эдвард Мейер – четвертый из списка любимых мужей Лиды.

Очень скоро – уже в последней декаде августа – у Эдварда Мейера приключилась тяжкая болезнь, которая началась как обычное расстройство желудка, но затем приняла форму острого гастроэнтерита. Он жаловался на крайнее изнурение, сильные боли в мышцах и суставах, у него развилась диарея, он страдал от озноба, его бросало то в жар, то в холод. Эдвард не мог ничего есть и пить – продукты и напитки вызывали рвоту и понос, – быстро слабел и 7 сентября скончался в страшных мучениях. В браке счастливый обладатель привлекательной жены пробыл менее 1 месяца.

Для Лиды случившееся тоже стало своеобразным рекордом, никогда прежде она не становилась вдовой столь скоро после замужества!

Эдвард Мейер недолго был счастливым обладателем красивой молодой жены. Не прошло и месяца с момента свадьбы, как 7 сентября 1920 года он вынужденно покинул этот лучший из миров и оставил любимую супругу без своей заботы, ласки и попечения.

Лида заплакала, повздыхала, решила кое-какие насущные проблемы да и отчалила в неизвестном направлении. То есть и на этот раз она в точности воспроизвела тот алгоритм поведения, что мы видели в предыдущих случаях.

Всё у Лиды Мейер [она же Лида Льюис, она же Лида МакХаффи, она же Лида Дули, она же Лида Трублуд] складывалось неплохо. Никто ни разу не схватил её за руку, никто ни в чём не заподозрил, никто не попытался её остановить! Во всяком случае, именно так могла она думать в сентябре 1920 года.

Между тем, проблемы уже шли по её следу. Причём проблемы эти возникли неожиданно и в каком-то смысле случайно. Началось всё с того, что Эрл Дули (Earl Dooley), брат умерших в 1915 году Эдварда и Роберта, узнал о том, что те были застрахованы. Напомним, что поскольку Лида не претендовала на земли и ферму, а спокойно передала их наследнику и уехала в Твин-Фоллс, вопрос о страховке умерших братьев ни в какой форме вообще не возникал и никем из родственников не обсуждался.

Эрл ничего об этом не знал, пока летом 1920 г. страховой агент не предложил ему страхование жизни и имущества. И упомянул, что братья были застрахованы, и после их смерти страховые выплаты были осуществлены в полном объёме. Эрл крайне озадачился услышанным, стал наводить справки и узнал, что братья были застрахованы на 2 тыс.\$ каждый, а маленькая Лорейн – на 600\$. И Лида Дули получила в конце 1915 года на руки 4,6 тыс.\$!

По тем временам это были очень большие деньги, они равнялись приблизительно 10-летнему заработку строительного или сельскохозяйственного рабочего.

Эрл Дули знал, что Лида устроилась работать в ресторан Уилльяма МакХаффи, а затем последний продал заведение и куда-то уехал. А вместе с ним уехала и Лида. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться о характере их отношений, так что Эрл понял, что вдова отыскала мужа побогаче и попрестижнее. Осуждать её за это было бы неправильно, поскольку всякий человек хочет обрести счастье, однако Эрл считал правильным отыскать Уилльяма МакХаффи и поговорить с ним по душам... рассказать о возникших подозрениях... может быть, предупредить... может быть, выслушать какие-то пояснения.

На самом деле, момент этот не до конца ясен, но Эрл решил отыскать МакХаффи и приступить к розыскам. И довольно быстро отыскал... на кладбище!

И вот тут в голове Эрла Дули смутные подозрения стали приобретать некую логику и внутреннюю связь. Следует пояснить, что идея страхового мошенничества, связанного с убийством застрахованного лица, к тому времени уже была апробирована и стала широко известна.

Тот, кто читал мой очерк «1913 год. Убийство на карандашной фабрике», размещённый в сборнике «Американские трагедии. Книга IV», в этом месте наверняка припомнит фрагмент, посвящённый «делу Дэйзи Грейс».

Как несложно догадаться, названо оно было так по имени и фамилии обвиняемой Дэйзи Грейс (Daisy Grace, в девичестве Дейзи Ульрих Опи (Daisy Ulrich Opie)), проживавшей в «жемчужине американского Юга» – городе Атланте. В 1912 году Дейзи опоила мужа Юджина Грейса (Eugene H. Grace) морфием, а после того, как мужчина был приведён в беспомощное состояние, выстрелила в него из пистолета и уехала из города с целью создания alibi. Преступление имитировало самоубийство и было осуществлено с целью получения большой страховки. Хитроумная жёнушка озаботилась созданием нужного ей «бэкграунда», для чего подготовила несколько подложных писем от имени мужа, которые напечатала на пишущей машинке и подписала карандашом.

Самое потрясающее в этой истории заключается в том, что тяжело раненый мужчина остался жив и дал показания против супруги. Сейчас эта история вряд ли привлекла бы к себе заметное внимание общественности – нравы сильно поменялись, и убийство как элемент стра-

хового мошенничества стало рутиной, – но для начала XX столетия случившееся стало чем-то вроде «психологической бомбы». Образ жены, продумавшей и хладнокровно решившейся на подлое убийство мужа, рвал все шаблоны. Надо сказать, что в начале XX столетия имел место ряд громких убийств жёнами свих мужей, но все они были в той или иной мере связаны с адюльтером. То есть в них сексуальный компонент превалировал над материальным. Однако в «деле Дэйзи Грейс» именно циничный меркантильный расчёт явился изначальным мотивом преступления. История стала сенсационной и привлекла к себе внимание всех Соединённых Штатов.

Слева сверху: Дэйзи Грейс в сопровождении детективов полиции на пути в суд для участия в слушаниях о выборе меры пресечения. Справа сверху: иллюстрация из газеты, изображающая обвиняемую в обществе матери. Внизу: коллаж на всю полосу с лицом Дэйзи Грейс.

Дэйзи Грейс попала на страницы газет, фотографии её узнаваемого лица распространялись как открытки, о ней писали как местные газеты, так и пресса федерального уровня. Особую пикантность этой истории придало то обстоятельство, что в конечном итоге всё для Дэйзи закончилось хорошо – она была оправдана судом и осталась с деньгами! Преступление нельзя было назвать идеальным, но своих целей дамочка добиться смогла. Понятно, что к 1920 году никто о Дэйзи Грейс не забыл, и Лида, разумеется, могла ориентироваться на совершенное Дэйзи Грейс преступление как на своего рода эталон.

Однако имелось одно очень важное отличие произошедшего в Атланте от того, что произошло через несколько лет в Твин-Фоллс. А именно: Дэйзи Грейс стреляла в одного-единственного мужчину и намеревалась удовлетвориться однократной страховой выплатой. А Лида Трублуд, убив братьев Дули и собственную малолетнюю дочь, не только получила страховки за них, но после этого повторно вышла замуж и, судя по всему, провернула ещё один фокус со страховой выплатой, расправившись с новым мужем!

Так, по крайней мере, рассуждал Эрл Дули летом 1920 г.

Когда в голове Эрла Дули оформилась более или менее стройная версия о совершаемых Лидой Трублуд повторяющихся страховых мошенничествах, сопровождаемых убийствами мужей, мужчина направился в офис окружного прокурора Фрэнка Стефена (Frank Stephan), где и рассказал о своих подозрениях. Прокурор остался под сильным впечатлением от услышанного, он был знаком как с самим МакХаффи, так и его родителями, и мысль о том, что замечательный молодой человек мог стать жертвой расчётливой женщины, умертвившей до того других людей, в том числе и собственную дочь, по-настоящему взволновала Фрэнка.

Пользуясь своей властью, окружной прокурор санкционировал эксгумации тех трупов, что находились в земле под его юрисдикцией. Так появились первые результаты, из которых следовало, что Эдвард, Роберт Дули умерли от отравления мышьяком. Что касается маленькой девочки, то превышения содержания яда судебно-химическая экспертиза не выявила. Правда, этот вывод не отменял подозрений в использовании какого-то иного способа умерщвления.

Уже одно это позволяло привлечь Лиду Трублуд к ответственности в Айдахо, но ведь эта дамочка давно покинула пределы штата, и никто не знал, что ещё она могла натворить и где теперь могла находиться!

Прокурор санкционировал общегосударственный розыск. Ниточка потянулась, и клубок непременно должен был распутаться. Но уже в самом начале расследования пришла новость, которая едва не обнулила всю проведённую работу – выяснилось, что Лида не получила страховку за Уилльяма МакХаффи. Это известие выбивало самый важный элемент версии об отравлениях, её краеугольный камень – страховое мошенничество как мотив преступных деяний.

Фрэнк Стефен оказался до такой степени озадачен этой новостью, что лично отправился в Монтану, чтобы разобраться с возникшей проблемой [хотя такого рода командировки вовсе не входили в круг его обязанностей]. Выяснилось следующее: МакХаффи в действительности был застрахован, причём на очень значительную сумму [7 тыс.\$ – это около 0,5 млн.\$ по нынешнему уровню покупательной способности доллара США!], но он не успел сделать ни одного платежа по страховке. По традиции того времени договор страхования считался заключённым в том случае, если клиент покупал сам договор [это обычно был небольшой платёж, покрывавший, грубо говоря, стоимость бумаги, на которой был отпечатан текст] и осуществлял первый платёж в размере оговорённой в договоре суммы. МакХаффи оформил договор у страхового агента, купил документ и положил его в свой стол, но... платёж сделать не успел. Ибо умер!

И когда Лида предъявила договор страховщику, её ждало глубокое разочарование! Женщине разъяснили, что муж её действительно жизнь застраховать-то застраховал, да только договор не считается «активным», поскольку ни одного платежа по нему не поступило.

Случившееся следовало признать своего рода случайным эксцессом. Неудача, постигшая Лиду в случае с МакХаффи, не только не отменяла существование корыстного мотива умерщвления, но напротив, его подтверждала. Деньги страховой компании не попали в карман мошенницы лишь по причине её же собственной торопливости, а отнюдь не потому, что она не пыталась наложить на них свою руку.

На протяжении осени и зимы 1920 г. следствие проводило скрупулёзную работу по восстановлению преступного пути Лиды Трублуд. Сначала выяснялись места её проживания

и детали личной жизни, после чего проводились эксгумации тел умерших мужей. В телах Харлана Льюиса и Эдварда Мейера также были найдены значительные дозы мышьяка. Клиническая картина отравления этим ядом прекрасно соответствовала симптоматике тех заболеваний, что отмечались у мужчин перед смертью. Третий и четвёртый мужья Лиды были застрахованы на значительные суммы, причём по нескольким договорам каждый. Видимо, Лида поняла, что предъявлять страховой компании недавно заключённый договор на большую сумму – значит автоматически вызывать подозрения в свой адрес. Гораздо лучше обращаться к разным страховщикам с несколькими договорами со сравнительно незначительными суммами выплат. После смерти Харлана Льюиса его вдова получила в общей сложности 7 тыс.\$, а после смерти Эда Мейера – 10 тыс.\$

Очень важно было поскорее отыскать Лиду, ведь если подозрения Фрэнка Стефена были справедливы, то отравительница могла уже готовить новое преступление! Никто не знал, куда она отправилась из Покателло, поиски дамочки велись «вслепую» по всей территории страны и даже на Аляске и на Филиппинах.

В конце весны 1921 г. стало известно, что Лида посылала открытки из Калифорнии. Чтобы предупредить население и ускорить поиск, было принято решение дать информацию о проводимых поисковых мероприятиях в газеты. В начале июня жители Америки впервые увидели лицо «чёрной вдовы» Лиды Трублуд, правда, термина такого в те времена ещё не существовало [имеется в виду применительно к женщинам-отравительницам мужей].

Портрет разыскиваемой Лиды Трублуд из газеты «The San Francisco examiner» в номере от 8 июня 1921 г.

Как только информация о мужеубийце пошла «в народ», дни преступницы были сочтены. Очень скоро дамочка была опознана и её местопребывание установлено.

Оказалось, что после Покателло мошенница прибыла в Калифорнию. Некоторое время она пожила в Сан-Франциско, не демонстрируя никакой активности, видимо, просто отдыхая от трудов несправедливых. Затем она отправилась на юг, прокатилась по «городам миллионеров» вроде Санта-Барбары и Ирвайна, но в конечном итоге подзадержалась в Сан-Диего, городе, являвшемся крупной военно-морской базой. Можно представить, как в душе Лиды боролись соблазны, ей, наверное, очень хотелось повернуть излюбленный фокус с каким-нибудь миллионером с таким расчётом, чтобы за один раз обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь. Но здравый смысл подсказывал, что делать этого не следует. За большим состоянием всегда следят жадные глаза многочисленной родни, так что накормить миллионера мышьяком можно,

да только деньги унести не получится! А вот если выбрать какого-нибудь работягу, мужчину простого и незатейливого, то на нём много не заработаешь... В общем, в душе Лиды, наверное, боролись прямо противоположные позывы, но в конечном итоге победил холодный рациональный расчёт.

Лида познакомилась со старшиной военно-морского флота Полом Винсентом Саутхардом (Paul Vincent Southard), которого сумела быстро убедить в том, что тот повстречал в её лице мечту своей жизни. Пол, судя по всему, был человеком неплохим и прямодушным. Он предложил возлюбленной руку и сердце, а когда та высказала опасения за свою будущность ввиду опасного рода деятельности жениха, поспешил успокоить Лиду заверением в том, что она в случае его смерти будет получать военную пенсию. Пенсия старшины не показалась Лиде серьёзным бонусом, и дамочка предложила Полу застраховать жизнь. Страховка оказалась весьма значительна – аж даже 10 тыс.\$ – но Пол Саутхард был готов на всё ради любимой.

Слева: Пол Винсент Саутхард, пятый любимый муж Лиды. Справа: Лида Саутхард (она же Мейер, она же Льюис, она же МакХэффи, она же Дули, она же Трублуд) летом 1921 года.

На том они и поладили! Лида обрела пятого любимого мужа и взяла фамилию Саутхард, а Пол сделался счастливым обладателем прелестной жены.

Поскольку 4-й муж Лиды прожил после бракосочетания менее 1 месяца, представлялось важным как можно скорее отыскать молодожёнов. Выяснилось, что после регистрации брака они отбыли из Сан-Диего в Гонолулу, город на острове Оаху на Гавайских островах. Именно там Полу Саутхарду предстояло нести службу.

Уже 11 июня 1921 года Лида Саутхард была задержана военной полицией вместе с мужем и доставлена в местный военный суд. Ей было предложено добровольно отправиться в Айдахо, дабы ответить там перед Законом, в противном случае Лиде грозила экстрадиция. Подозреваемая не стала упрямиться и, заявив о своей невиновности, согласилась предстать перед судом в любой точке страны. Пол полностью поддержал супругу и обратился к командованию с просьбой предоставить ему отпуск для сопровождения жены в Айдахо.

На Гавайи отправилась группа детективов из Айдахо, им предстояло обеспечить охрану Лиды и исключить её бегство на пути из Гонолулу. Возглавлял группу старший детектив Вирджил Ормсби (Virgil «Val» Ormsby). Помимо мужчин в «команду сопровождения» была включена и Нелли Ормсби (Nellie Ormsby), жена Вирджила. Женщина в составе группы была необходима для обеспечения круглосуточного контроля за задержанной.

Пол Саутхард и его любимая жена Лида в Гонолулу.

За возвращением Лиды Саутхард на континентальную территорию Штатов и подготовкой судебного процесса следила вся страна. Менее 10 лет назад «дело Дэйзи Грейс» казалось немыслимым и выходящим за рамки всего, что знала американская криминальная история, и вот теперь раскрывается нечто такое, на фоне чего преступление Дэйзи Грейс представляется экспромтом наивного дилетанта! Было отчего закипеть мозгам добропорядочных самаритян...

Преступница вызывала искренний [и притом хорошо объяснимый] интерес, который лишь подогревался её милым личиком и общительностью. Если поначалу Лида старалась не замечать журналистов и прятала лицо, то очень скоро сообразила, что публичность сможет сыграть ей на руку. Она стала охотно позировать фотографам, в частности, известно довольно много её фотографий, сделанных во дворе окружного суда в Твин-Фоллс, причём в разное время. Лида не отказывала себе в удовольствии перебрасываться фразами с газетчиками, а также зрителями, сидевшими в зале суда во время многочисленных слушаний. Журналисты характеризовали её как «разговорчивую», «общительную», «готовую пойти на контакт». Правда, интервью у неё не брали и брать не пытались, видимо, такова была установка руководителей масс-медиа, не желавших делать рекламу убийце, чья вина представлялась всем довольно очевидной.

MRS. LYDA SOUTHARD on her way from Honolulu to Idaho, where she will be charged with the murder of four husbands, a child and a brother-in-law. Stearns View Co.

Слева: газетная фотография, изображающая Лиду Саутхард на пути из Гонолулу в Айдахо. Справа: Лида Саутхард до дворе здания суда в Твин-Фоллс с охраняющими её детективами во время перерыва слушаний о выборе меры пресечения.

До некоторой степени забавной выглядела та безусловная поддержка жены, которую демонстрировал Пол Саутхард. На его месте, конечно же, имело бы смысл задуматься о том, с чем он столкнулся. Старшина сам успел застраховать собственную жизнь на огромные при его жаловании 10 тыс. \$, если бы не своевременное появление прокурора Стефена, то Саутхард с большой вероятностью примерил бы деревянный макинтош ещё до прихода осени. Мужчина, однако, не хотел признаваться даже самому себе в том, что умная и хитрая дамочка обвела его вокруг пальца, сначала женила на себе, а затем побудила рискнуть собственной же жизнью во имя мифической «любви», которая вряд ли была искренней у женщины, выходявшей замуж в пятый (!) раз. Пол Саутхард был далёк от такого рода беспокоящих мыслей и на «серьёзных щцах» рассказывал газетчикам, какая невероятная у него жена и какое невероятно чистое чувство объединило их чету. Мы можем не сомневаться в том, что Лида нашла верный путь к сердцу Пола... впрочем, как и всех его предшественников!

Суд, начавшийся в октябре 1921 г., оперировал крепкой доказательной базой. Обвинение показало происхождение яда, который Лида получала из клейкой бумаги, предназначенной для борьбы с мухами. Бумагу эту она в больших количествах заказывала по почте, так что добыть документальные следы оплаты и получения смертоносного товара прокуратуре не составило большого труда. Кстати, именно использование этой бумаги обусловило прозвище, закрепившееся за убийцей – «Флайпейпер Лида» (анг. «Flypaper Lyda», «флайпейпер» – это клейкая бумага, обычно подвешенная под потолочным вентилятором, на которую налипали мухи). Достоин упоминания то, что рулоны ядовитой бумаги были найдены в вещах Лиды при обыске в Гонолулу. Дамочка явно планировала в отношении пятого любимого мужа повторение в скором времени старого фокуса, хорошо зарекомендовавшего себя с предыдущими любимыми мужьями.

Обвиняемая ожидаемо отказалась от дачи показаний. Тактика защиты строилась на том, чтобы обосновать тезис о хроническом заболевании Лиды брюшным тифом, которым она, якобы, заражала окружающих. Кроме того, адвокат, как мог, пытался объяснить многочисленные смерти людей, связанных с Лидой, разного рода случайными причинами. Например, смерть Мейера объяснялась тем, что тот съел плохо вымытые фрукты, которые ранее были

обработаны раствором мышьяка. Мейер действительно ел фрукты, но ведь не он один их ел, и никто больше не умер... То есть, дочка выпила некипячённую воду, один муж поел плохо вымытые фрукты, другой – лекарство перепутал от гриппа... Понятно, что такого рода аргументацией можно было объяснить смерть 1-го человека, ну, максимум, 2-х, но ведь их умерло 6 менее чем за 10 лет!

Главный химик штата по фамилии Роденбо (Rodenbaugh) был очень убедителен. В принципе, уже в середине процесса стало ясно, что Лида получит обвинительный вердикт, так что вся интрига сводилась к тому, каким окажется приговор. 4 ноября присяжные отправились в совещательную комнату и вышли из неё через 23 часа с обвинительным вердиктом. Лида была приговорена к тюремному заключению на срок от 10 лет до пожизненного. Станный по нашим меркам приговор, но в США такие порой выносят.

Газетные публикации октября – ноября 1921 года о процессе над Лидой Саутхард.

Нельзя не отметить того, что приговор оказался довольно мягок. Половая принадлежность обвиняемой, несомненно, сказалась на решении судьи. Невозможно представить, чтобы подобный приговор по такому делу получил мужчина!

Пол Саутхард, присутствовавший в зале суда во время процесса и получивший возможность собственными ушами услышать весь массив обвинительной аргументации, испытал немалое потрясение. В чём честно и признался журналистам. В декабре он развёлся с Лидой, но никогда не давал интервью газетчикам, и потому многие важные детали его отношений Лидой остались неизвестны.

Казалось бы, история безжалостной мужеубийцы должна была на этом закончиться. Но нет!

Весной 1931 года Лида подала прошение об условно-досрочном освобождении, которое было отклонено. Следующее прошение она могла подать через 2 года, но решительная дамочка посчитала, что тратить время на сидение в тюрьме незачем. К этому времени она уже прекрасно освоилась в отведённом ей застенке и, как стало ясно позже, завела интимные отношения с несколькими тюремщиками. Лида – такая, она сможет... Используя особое отношение некоторых из охранников тюрьмы, она тщательно подготовила побег. В частности, она раздо-

была «цивильную» одежду и обувь, краску для волос, скопила довольно значительную сумму денег [не менее 70\$], которые позволили бы ей продержаться первое время после побега.

Сам побег прошёл очень просто и буднично. 4 мая 1931 года, используя дубликаты ключей от внутренних дверей, полученные благодаря особым отношениям с некоторыми конвоирами, Лида прошла в ту часть здания, где находились гражданские лица, прибывшие для встречи с заключёнными. Смешавшись с толпой, она вышла на улицу и спокойно уехала. Прошло не менее 6 часов, прежде чем беглянку хватилась охрана.

Это был серьёзный «прокол» тюремной администрации, не выявившей своевременно nepозволительные отношения заключённой и охраны, но гораздо хуже оказалось то, что о бегстве Лиды не была оповещена общественность. По умолчанию считалась, что беглянка не является «опасной преступницей», поскольку не совершала насильственных посягательств, но в действительности Лида представляла опасность большую, чем иные головорезы бандитской наружности.

К началу 1930-х гг. Лида заметно изменилась, но оставалась по-прежнему энергичной, предприимчивой и всё ещё могла найти верные пути к сердцам многих мужчин.

Лида пропала на долгие 15 месяцев. Её искали по всей стране как «законники», так и частные «охотники за головами», но Лида была умна и умела выбирать оптимальные стратегии действия.

В конечном итоге её разоблачили вовсе не правоохранители, а тот самый человек, который стал очередным мужем Лиды. Да-да, вы правильно поняли – Лида снова вышла замуж, прекрасно понимая, что в её положении замужество является лучшей маскировкой из всех возможных.

После побега она уехала в город Денвер, штат Колорадо, удалённый от места побега почти на 1 тыс. км. Там она, назвавшись Ферн Зеллер Рэйнс (Fern Zeller Rains), устроилась домработницей к состоятельному вдовцу Гарри Витлоку (Harry Whitlock). Зная, как найти верный путь к сердцу мужчины, она нашла его без особых затруднений и в марте 1932 г. Витлок сделал домработнице предложение руки и сердца. Та, разумеется, не отказалась. Мама Гарри – Теодозия Витлок (Theodosia Whitlock) – была против свадьбы, и как-то так получилось, что пожилая женщина умерла через 3 месяца.

После чего жена стала настойчиво уговаривать Гарри застраховать собственную жизнь. Можно на 10 тыс.\$, но если больше, то будет даже лучше, хотя и 10 тыс.\$ – тоже неплохо. И вот тут в голове Витлока что-то такое щёлкнуло, видимо, память вкупе со здравым смыслом

побудила его хорошенько подумать. Гарри припомнил, что 10 лет назад читал газеты, в которых рассказывалось о суде над дамочкой, последовательно травившей своих мужей. Витлок «примерил» ситуацию к себе и смутные сомнения озарили потёмки его разума. К чести этого джентльмена следует признать, что у него хоть что-то в голове шевельнулось, в отличие от многочисленных предшественников...

31 июля Гарри Витлок отправился в местную полицию и рассказал о терзающих его подозрениях. В тот же день Ферн Зеллер Витлок была заключена под стражу.

А затем последовало её возвращение в Айдахо, разумеется, совсем не триумфальное.

Слева: газетный репортаж об аресте беглянки Лиды Трублуд, она же Ферн Зеллер Рэйнс, она же Ферн Зеллер Витлок, она же Лида Дули, она же Лида МакХаффи, она Лида Льюис, она же Лида Мейер... ничего не забыл? Справа: Лида после ареста 31 июля 1932 года.

Что последовало далее?

Лида оставалась в тюрьме вплоть до октября 1941 года, когда ей удалось-таки условно-досрочно освободиться. Через года она получила окончательное помилование, после чего уехала в Юту. Женщина поселилась в городе Солт-Лейк-сити, где вышла замуж за Хэла Шоу (Hal Shaw), заодно сменив имя на Энн (Anna). Хотя дамочке уже перевалило за «полтинник», она по-прежнему умела находить путь к сердцу мужчины. Есть много подходящих для этой ситуации шуток – и про руки, которые «помнят», и про мастерство, которое «не пропить», но автор не станет упражняться на данную тему, предоставив читателям возможность самостоятельно отыскать подходящую.

Своего последнего мужа Лида не пыталась застраховать и, соответственно, травить его было незачем. Лида скончалась от сердечного приступа 5 февраля 1958 года в Солт-Лейк-Сити, похоронена в Мемориальном парке «Сансет» в Твин-Фолс, штат Айдахо.

Могила Лиды Трублуд (она же Энн Шоу) в парке «Сансет» в Твин-Фоллс.

Автор не сомневается в том, что многие читатели проведут прямую аналогию между Лидой Трублуд и известной французской отравительницей Мари Беснар (Marie Besnard). Подобное сравнение тем более любопытно, что «дело Мари Беснар», в конечном итоге, закончилось оправданием убийцы. Вряд ли надо сильно углубляться в пересказ связанного с Беснар криминального сюжета – он очень запутан и потому даже поверхностный пересказ потребует значительных затрат времени и сил.

Но нельзя не признать того, что защита Лиды Трублуд могла бы очень интересно обыграть в суде факт широкого использования в Соединённых Штатах мышьяковой кислоты при бальзамировании трупов. Собственно говоря, мышьяковая кислота H_3AsO_4 в те времена являлась одним из двух основных бальзамирующих компонентов (второй – хлорид цинка). Кислота прекрасно растворима в воде и потому из трупов легко может попадать в почву, что может приводить, по крайней мере, гипотетически, к переносу мышьяка в те захоронения, где его изначально не было. Именно этот довод отлично сработал в «деле Мари Беснар».

Было бы, конечно, весьма любопытно посмотреть на то, что получилось бы, если бы защита Лиды попыталась обосновать теорию переноса мышьяка. В действительности нет сомнений в том, что эта женщина совершала все те преступления, в которых её подозревали, но если бы Правосудие в её случае забуксовало, ситуация сложилась бы воистину феерическая. Тогда бы мы могли с полным основанием сказать, что Лида Трублуд не только находила пути к сердцам мужчин и убивала всех, кого хотела, но при этом она ещё умудрилась избежать наказания.

1927 год. Адюльтер как повод задуматься («Дело Ады ЛаБёф»)

Адюльтер (от фр. *adultere* – супружеская неверность) при всей кажущейся несвязанности с криминальным поведением, тем не менее, чреват крайним ожесточением отношений и неожиданными вспышками агрессии. Огромное количество жестоких преступлений провоцируется изменами близких людей [как реальными, так и мнимыми]. Причём такого рода интимные связи таят в себе несколько разнотипных угроз, само существование которых зачастую ускользает от любителей «сходить налево».

Во-первых, хитроумные «изменщики» рискуют собственными жизнями [и здоровьем]. Эта угроза самая очевидная, как правило, даже самые легкомысленные любовники понимают, что раскрытие их связи может вызвать гнев обманутой «половины», который может вылиться в... в... тут каждый из участников процесса может додумывать сам, во что именно может вылиться гнев разъярённого супруга. Обычно фантазия не идёт далее тривиального «набьёт морду», но реальная жизнь богаче житейских шаблонов. Как мы знаем из истории, месть обманутого супруга [мужчины или женщины – неважно!] может принимать порой весьма неожиданные и потому особенно опасные формы.

Во-вторых, адюльтер ставит обоих участников процесса в зависимость от благополучия обманываемого супруга. Если с ним приключится нечто нехорошее, скажем, муж, объевшись груш, поскользнётся на банановой кожуре, то неожиданные и очень острые вопросы могут возникнуть ко «второй половинке». И если эта самая половинка имеет обыкновение блудить на стороне, то очень неприятные подозрения возникнут автоматически. Ситуация ещё более осложнится, если обманываемый супруг, объевшийся груш и поскользнувшийся на банановой кожуре, наделён какими-то властными полномочиями или в материальном отношении хорошо обеспечен. Тут проблем можно «поднять» выше крыши, ибо лиц, заинтересованных в компрометации второго супруга, может оказаться много.

Помимо описанных выше ситуаций, развитие событий может принять иное направление, вообще неочевидное для его участников на первых порах, но при этом отнюдь не исключительное и даже не очень-то и редкое. Этот неблагоприятный сценарий развития событий можно назвать условной фразой «а зачем нам третий?», и в этих словах передана вся его суть – пара любовников решает убрать мужа или жену одного из них, чьё присутствие якобы мешает их счастью.

Изложенная ниже история очень выразительно иллюстрирует внутреннюю логику развития таких событий и показывает, как совершенно нормальные, вменяемые, разумные и неплохие, на первый взгляд, люди решаются на действия воистину возмутительные, безосновательные и жестокие.

Супругов ЛаБёф безо всякого преувеличения можно было бы назвать образцовой семьёй. Джеймс Джозеф Клодомир ЛаБёф (James Joseph Clodimer LeBoeuf) сочетался с Адой Реджиной Боннер (Ada Bonner) 2 сентября 1906 г. в Лос-Анджелесе. Ему было тогда 22 года, а его счастливой супруге – всего 17. Впереди у молодых была большая и счастливая жизнь, по крайней мере, так казалось тогда! Джеймс закончил университет, изучал электротехнику, быстро развивавшуюся в те годы и сулившую неплохие жизненные перспективы.

Профессиональную карьеру Джеймс начинал в Калифорнии, быстро рос, и в 1918 г. ему предложили должность главного инженера в работавшей в Луизиане фирме «Morgan city electric company». Как следует из названия, фирма эта занималась электрификацией города Морган-сити на юге штата. Джеймс принял приглашение, семья переехала в Луизиану и быстро заняла подобающее ей место среди представителей тамошнего среднего класса.

К тому времени чета обзавелась детьми: в 1907 г. родился Джозеф, в 1910 – Эрнест, в 1914 г. – Герман, а спустя ещё 4 года появилась единственная дочь, которую назвали Ада Либерти (Ada Liberty LeBoeuf).

Джеймс и Ада Лабёф бракосочетались в 1906 г., прожили вместе более 20 лет и стали родителями 3-х мальчиков и девочки. Это были уважаемые люди местного общества, жившие в достатке и полной безопасности. Глядя со стороны, их семью можно было бы назвать «американским идеалом» безо всяких оговорок.

И, в общем-то, всё в жизни супругов было хорошо, но скучно. Иного объяснения найти тому, что произошло с ними в Морган-сити, невозможно. Во всяком случае, никто никогда не рассказывал о том, будто Джеймс обижал, унижал или обманывал Аду – напротив! – все, знавшие семью, утверждали обратное. Но, тем не менее, через год после переезда в Луизиану Ада вписалась в настоящий и глупейший блудняк!

Она завела любовника – и какого! Её сердечным другом стал их семейный врач Юджин Дрир (Eugene Dreher), мужчина степенный, строгий, на 11 лет старше Ады. Дрир жил в счастливом браке, в котором были рождены трое детей – сын Тедди [1910 года рождения] и дочери Дороти и Полли [рождены соответственно в 1912 и в 1919 годах].

Семейный врач, использующий своё особо доверенное положение для того, чтобы соблазнить чужую жену – это, согласитесь, даже не змея, пригретая на груди, это нечто ещё более подлое и гадкое! Тем не менее, ни Ада, ни Юджин особо не комплексовали по этому поводу, и очень скоро их отношения переросли в нечто куда большее, чем просто мимолётная интрижка.

Юджин Дрир с Адой ЛаБёф.

На протяжении 9 лет (!) роман семейного доктора и чужой жены развивался на глазах небольшого сообщества Морган-сити. Поразительно, что Джеймс ЛаБёф ни о чём не догадывался и ничего не подозревал, в точности по народному правилу «муж узнаёт обо всём последним».

Между тем, внутренняя логика развития событий подталкивала любовников к какому-то разрешению ситуации, в которую они сами себя поставили. Они хотели быть вместе, но семьи им мешали – с этой объективной реальностью, данной им в ощущения, надо было что-то делать.

Ада и Юджин решили начать комплексное решение проблемы с устранения Джеймса ЛаБёфа. Ответов на сопутствующие вопросы, в частности, как они мыслили дальнейшую жизнь? что хотели сделать с женой Юджина Дрира? как планировали воспитывать детей? намеревались ли создать единую семью? – мы не знаем, но скорее всего, некие идеи на сей счёт у них имелись.

Но начать они решили с главной помехи на пути к счастью – с Джеймса. Его было решено убить, но если вы подумали, что доктор решил тихонько накормить соперника морфием, дабы тот уснул и более не проснулся, то сразу внесём ясность – простых путей любовники не искали! Возможно, отравление планировалось в отношении жены Юджина, и врач не хотел дважды прибегать к одному и тому же способу убийства – тут мы можем только гадать – но Джеймса решили убить хитро и даже вычурно.

К делу был привлечён местный охотник на крокодилов Джеймс Бидл (James Beadle), мужчина 50 лет, известный своим хладнокровием и находчивостью. Честно говоря, у автора нет объяснений тому, почему этот мужчина, по-видимому, самый здравомыслящий из троицы заговорщиков, позволил втянуть себя в авантюру. Может быть, он в деньгах нуждался, может быть, чем-то был обязан доктору и не мог отказать... как бы там ни было, Бидл согласился исполнить роль наёмного убийцы в том идиотском сценарии, что ему был предложен, и об этом согласии не раз пожалел в дальнейшем.

Джеймс Бидл.

Во второй половине дня 1 июля 1927 г., в пятницу, заговорщики приступили к реализации задуманного. Джеймс и Ада ЛаБёф отправились на пикник на лоно природы. С собой в поездку они взяли и доктора Юджина Дрира. Они остановили автомашину возле лодочного сарая, принадлежавшего ЛаБёфам на берегу озера Палурд (lake Palourde), на удалении около 3,5 км от Морган-сити. Пока Ада занималась приготовлением барбекю, мужчины спустили на воду лодку, принадлежавшую ЛаБёфам, и отправились в заплыв по озёрным волнам. Предполагалась, что они наловят рыбу, которая тоже пойдёт на стол. Юджин Дрир сел в лодку в купальном костюме [мужчины в те годы облачались в особые костюмы для купания], заявив, что хочет понырять вдали от берега. В этом желании не было ничего удивительного или подозрительного, все знали, что Дрир отличный пловец, в отличие от Джеймса, который хотя и умел плавать, но в воду предпочитал не залезать...

В это самое время Джеймс Бидл уже поджидал их на своей лодке посреди озера. Палурд является довольно большим водоёмом – с севера на юг его протяженность превышает 5 км, а с востока на запад – 7 км. Увидев, что лодка спущена на воду и вместе с доктором и Джеймсом ЛаБёфом на борту двигается прочь от берега, траппер двинулся ей навстречу. С расстояния около 50 метров он произвёл единственный выстрел из ружья и наповал убил своего тёзку.

После этого врач раздел труп соперника, вспорол его грудь и живот и сбросил в воду. Передав лодку трапперу, Юджин вплавь направился к берегу. Бидл же взял лодку убитого им человека на буксир и направился к северному берегу озера. Там, в обширной заболоченной области в полном уединении стоял дом охотника, из которого он отправлялся на свой промысел и в который возвращался с набитыми в местных болотах крокодилами.

Джеймс Бидл отбуксировал лодку ЛаБёфа к своему дому и там спокойно распилит её на части бензиновой пилой. Получившиеся фрагменты, запачканные кровью убитого им человека, траппер забросил в кусты на удалении около 30 метров от дома. Он не стал их бросать в воду или оставлять у прибрежной линии, опасаясь, что деревянные фрагменты волны могут вынести на глубокую воду, где их смогут случайно увидеть посторонние лица.

Заговорщики, наверное, гордились собой и тем, как ловко они всё провернули! Благодаря вспоротым животу и груди, труп Джеймса ЛаБёфа не мог всплыть, в тёплой воде его останки быстро были бы уничтожены богатой живностью южного водоёма, а лодку и одежду убитого нанятый траппер уничтожил! Пройдёт пара-тройка дней, прежде чем убитого стали бы искать, но поскольку точная дата исчезновения была бы никому не известна, кроме жены, то она сообщит людям шерифа такое время, на которое у всех участников будет alibi. Помните

слоган известной рекламы: «Кто молодец? Я молодец!» – наверное, нечто подобное приговаривал каждый из участников преступления в первые часы и дни после его совершения.

Однако, как это часто бывает у дилетантов, очень быстро кое-что пошло не так, как задумывалось. Юджин и Ада не знали священного правила профессионального преступника: хочешь сделать что-то хорошо – делай это сам! План, задуманный Юджином Дриром и Адой ЛаБёф, являлся переусложнённым и идиотичным в своей сути, а потому он был обречён на провал.

Юджин Дрир.

Поначалу – 2 и 3 июля – Ада успешно скрывала от окружающих отсутствие мужа, но 4 числа – в День Независимости – начались вопросы, почему нигде не видно Джеймса? Сначала Ада отвечала в точности так, как это было продумано перед совершением убийства, дескать, муж уехал в пятницу вечером по делам службы, однако... однако быстро выяснилось, что есть свидетели, видевшие, как в пятницу супруги ЛаБёф уезжали из города вместе с доктором Дриром. Более того, оказалось, что Джеймс успел рассказать на работе о запланированном на вечер пятницы пикнике! Ах, как это оказалось некстати... Аде пришлось перестраиваться на ходу, импровизируя, но необходимость импровизации являлась сигналом неизбежного провала в будущем.

Ада стала рассказывать, что муж уезжал, но потом передумал и вернулся с полпути и они действительно отправились на пикник, но там они расстались, а он остался... Эта невнятица не обратила бы на себя внимание, если бы 5 июля Джеймс ЛаБёф вышел на работу, но он не вышел. Последовало обращение в службу окружного шерифа, причём сама же Ада и обратилась, дабы не навлекать на себя ещё большие подозрения. Снова начались вопросы, в том числе и к детям, и снова все рассказы упирались в то, что Джеймс ЛаБёф уехал из города на автомашине с женой и доктором, но обратно не вернулся.

Помощник шерифа догадался осмотреть место пикника возле лодочного сарая и попросил открыть сам сарай. Тут-то и выяснилось, что лодка отсутствует. Это открытие сразу же привлекло внимание службы шерифа к озеру. Начались поиски там, появились свидетели, видевшие издалека, как Джеймс Бидл буксировал какую-то лодку.

Люди шерифа отправились к Бидлу. Тот всё отрицал, но осмотр прилегающей к его дому территории привёл к обнаружению распиленной лодки. На её досках было много крови. Стало ясно, что Джеймса ЛаБёфа в живых нет. И тут-то «законникам» рассказали о многолетнем романе Ады ЛаБёф с доктором Дриром, о котором знали все, кроме её мужа-бедолаги.

Однако нужен был труп! Без неоспоримого доказательства смерти Джеймса ни один судья не подписал бы ордер на арест почтенной матери 4-х детей! Служба шерифа сумела быстро организовать доставку на озеро воздушной станции для работы водолазов, и 8 июля изуродованное тело Джеймса ЛаБёфа было поднято с глубины 12 метров.

Могила Джеймса ЛаБёфа.

Обнаружение профессионально «вскрытого» тела моментально «привязывало» к преступлению доктора Дрира. Ведь всем было ясно, что обычный человек вряд ли догадался бы разрезать труп для исключения его всплытия, да и на практике «вскрыть» подобным образом человеческое тело отнюдь не просто – нужен не только подходящий нож и твёрдая рука, но и определённый навык.

Уже 8 июля Ада ЛаБёф и Юджин Дрир были взяты под стражу.

Дальнейшее оказалось простым и предсказуемым.

Любовники, арестованные порознь, сначала настаивали на том, чтобы им предоставили возможность поговорить. Разумеется, этого никто им не позволил.

Арестованный врач, запаниковав, признался в том, что ему было известно об убийстве, но заявил, что убивал один только Джеймс Бидл. По-видимому, это был тот вариант «отступления», который Дрир продумывал изначально в качестве допустимого на случай, если «что-то пойдёт не так». Однако свалить вину на траппера не получилось. Очень скоро выяснилось, что подобное признание не снимает с него вину, поскольку разрез тела не может быть объяснён действиями обычного преступника. Труп Джеймса ЛаБёфа разрезал кто-то, кто знал азы судебной медицины и умел проделывать такого рода манипуляции. Правда, Дрир пытался доказывать, будто охотник на крокодилов, умеющий свежевать их туши, без труда разрезал бы и человеческое тело, но, подумав немного, не стал на этом настаивать и отозвал своё признание на следующий день. Впоследствии он утверждал, будто его признание не являлось признанием, а было всего лишь предположением, которое окружной прокурор неверно понял.

Ада ЛаБёф ни в чём не призналась и лишь настаивала на встрече с доктором Дриром.

Джеймс Бидл оказался самым разумным из всей троицы. Он не пытался выдумывать какие-то объяснения и не устраивал психологических игр с арестовавшими его детективами. Бидл отрицал свою причастность к преступлению и заявил, что ничего не знает о распиленной лодке убитого инженера, найденной неподалёку от его дома. Узнав о том, что доктор Дрир «переводит стрелки» на него, траппер не стал отвечать тем же, отдавая себе отчёт в том, что любая осведомлённость о преступлении не послужит к его пользе.

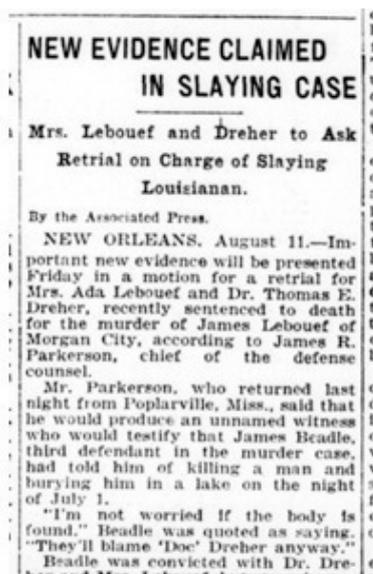

JAMES BEADLE.
Hunter and trapper on trial with Dr. Thomas E. Dreher and Mrs. Ada Homer LeBonouf for the murder of James LeBonouf, confessed that he was present at the killing and accused Dr. Dreher of firing the fatal shot. He demanded a separate attorney.

Джеймс Бидл оказался самым нормальным участником убийства в том смысле, что не пытался переложить свою вину на других и держался со всем достоинством, возможным в его положении.

Впрочем, как выяснилось чуть позже, охотник на крокодилов тоже допустил непростибельный «косяк». 4 июля во время пьянки в День независимости он рассказал своему другу о том, что «мочканул» инженера из Морган-сити и уничтожил его лодку. Человек, с которым убийца поделился этой информацией, уехал по своим делам из Луизианы в Техас, но, узнав об аресте Бидла, поспешил сдать ся «законникам». Он справедливо опасался того, что его привлекут к ответственности за соучастие в преступлении в форме недонесения, так что человека можно понять!

11 августа 1927 г. газеты сообщили о появлении важного свидетельства, однозначно изобличающего Аду ЛаБёф, Юджина Дрира и Джеймса Бидла.

Заголовок заметки гласит: «Сообщается о новых доказательствах в деле об убийстве». В августе 1927 г. газеты разнесли весть о появлении свидетеля, утверждающего, будто Джеймс Бидл признавался в убийстве Джеймса Лабёфа и рассказывал о деталях совершённого преступления.

Далее для узников всё становилось печальнее и печальнее. В августе 1927 г. прошёл суд, который признал доказанной вину всех 3-х соучастников. Следует отдать должное присяжным – те посчитали Бидла заслуживающим снисхождения, а вот любовников – нет. На этом основании траппер был приговорён к пожизненному заключению, а Ада Лабёф и Джеймс Дрир – к казни через повешение.

Хотя последние настаивали на своей полной невиновности и неосведомлённости о преступлении, им не верил никто. Правда, улики, прямо изобличающих Аду, не существовало, но её поведение в первые дни после исчезновения мужа и неоднократная ложь, доказанная в суде, не оставляли ни малейших сомнений в том, что она являлась участницей заговора с целью устранения собственного мужа и делала всё, чтобы запутать следствие и отвести подозрения от доктора Дрира. Ада пыталась делать хорошую мину, но после суда на неё все смотрели с ужасом.

Дрир вызывал не меньшее отвращение. Доктор, чей профессиональный и человеческий долг требовал беречь жизни других, принял деятельное участие в отвратительном преступлении. А его многолетняя интимная связь с женщиной-клиентом выглядела хуже прямого воровства кошелька из кармана! Его старший сын Тедди разорвал отношения с отцом и ушёл из семьи, стыдясь того позора, на который его обрекала фамилия отца. А вот дочери и жена, напротив, демонстрировали полную поддержку, видимо, полагая, что именно так и должна выражаться крепость семейных уз.

Ада Лабёф и доктор Дрир подали все возможные в их положении апелляции. Траппер Бидл делать этого не стал, очевидно, здраво полагая, что он и так отделался малой кровью. Все апелляции были отклонены. Что интересно, в 1928 г. была предпринята попытка развернуть общественную кампанию с целью добиться помилования Ады Лабёф, дескать, она женщина и мать, а прямых улик нет, а разве можно вешать женщину и мать...? Но особого накала это движение не получило, всё-таки многолетняя связь Ады с другим мужчиной за спиной мужа лишила её образ всякой привлекательности в глазах тогдашних обывателей.

Доктор Дрир под конвоем детективов в штатском выходит из здания суда после слушаний по его апелляции.

В декабре 1928 г. канцелярия губернатора штата распространила заявление, в котором до сведения населения доводилось, что губернатор Орамель Симпсон не станет вмешиваться в судьбы осуждённых Лабёф и Дрира. Это означало, что на помилование им рассчитывать не приходится.

Казнь должна была состояться в середине января 1929 г., но в последнюю минуту её остановили по решению одного из судей для проведения психиатрической экспертизы. Психиатры постановили считать обоих смертников вменяемыми, и 1 февраля их благополучно повесили на одной виселице.

Первой отправилась в петлю Ада Лабёф – по старой тюремной традиции женщин и подростков казнят раньше взрослых преступников. Накануне Ада встречалась с престарелой матерью и детьми, а также причастилась из рук католического пастора Джона Руссо (J. J. Rousseau). Ада настаивала на своей полной невиновности и заявила, что прощает всех своих гонителей – детективов и судей, – за спасение душ которых станет молиться в ином мире. Также она заявила, что прощает губернатора штата, и также будет молиться за спасение его души. По иронии судьбы никто из упомянутых ею лиц прощения у неё не просил, а потому эта великодушная псевдо-христианская болтовня была лишена всякого смысла. Ибо христианская морально-нравственная традиция предписывает прощать тех, кто прощения просит... а ежели человек прощения не просит, то для чего его прощать?!

Одна из подробных статей, посвящённых казни Ады ЛаБёф и доктора Дрира.

В качестве последней просьбы Ада высказала пожелание быть похороненной рядом с мужем, но, насколько можно судить по известным ныне данным, такое захоронение не состоялось. Наверное, власти поняли, что похоронить убийцу рядом с жертвой – это запредельный уровень цинизма, и нашли для неверной супруги другое место.

Почудил немного и доктор Дрир. За несколько часов до казни он заявил, что благодаря «тюремному телеграфу» ему удалось выяснить имя и фамилию настоящего убийцы Джеймса ЛаБёфа. Он требовал остановить приведение приговора в исполнение и провести проверку добытых им сведений, но на эту болтовню никто внимания не обратил.

Накануне казни Дрир встречался с женой и обеими дочками и на протяжении всей встречи, продлившейся 1 час, непрерывно плакал и просил прощения. Сын Тедди так и не приехал для прощания с отцом. Также как и Ада, доктор покался и причастился, только не у католического, а методистского священника. Вплоть до последней минуты жизни доктор настаивал на своей полной невиновности и чудовищной судебной ошибке, жертвой которой он якобы стал.

Казнь прошла штатно, оба смертника скончались очень быстро.

В истории отношений Ады ЛаБёф и доктора Дрира детективный аспект представляется довольно простеньким [если не сказать примитивным]. Расследование оказалось быстрым и прямолинейным не в последнюю очередь из-за явной переусложнённости сценария, выдуманного любовниками, не имевшими ни малейшего криминального опыта. Настоящий убийца-грабитель, вздумай он убить инженера ЛаБёфа, не стал бы имитировать его исчезновение без вести и обошёлся бы без чепухи, связанной со вспарыванием трупа и распиливанием лодки. Эти детали – даже без учёта вранья Ады ЛаБёф в первые дни после исчезновения мужа – явственно указывали на человека, находящегося рядом с жертвой и стремящегося исказить мотив убийства. Как только правоохранительные органы выяснили, что Ада и доктор любовники, всё моментально встало на свои места. Только люди очень далёкие от сыска и криминального мира могли всерьёз верить в то, что детективы не сумеют разобраться в этом довольно примитивном пазле.

Ада ЛаБёф.

Поэтому данная история представляется познавательной и поучительной вовсе не из-за своего детективного аспекта. Нет, тут интересно другое! Заслуживает особого внимания абсолютный цинизм любовной парочки. Задумайтесь сами – эти люди на протяжении многих лет обманывали своих близких, затем организовали жестокое убийство и приняли в нём живейшее участие, а после разоблачения принялись всё отрицать и даже на пороге смерти не выразили ни малейшего раскаяния в содеянном. Болтовня Ады ЛаБёф о том, что она прощает губернатора – это, конечно же, запредельная наглость. А ведь она причащалась и должна была перед тем покаяться священнику! Понятно, что ни о каком искреннем покаянии не могло быть и речи, священнику она врала так же, как и всем остальным.

Лицедействовал и Юджин Дрир, также нагло и бессовестно, как и его любовница. При этом доктор умудрился продемонстрировать даже большую низость, чем его подруга. Ада, по крайней мере, не пыталась свалить вину на траппера, а доктор Дрир, оказавшись под арестом, моментально взялся обвинять Бидла. То есть тут мы видим не просто душевную низость, но и всякое отсутствие мужества.

Интересная газетная иллюстрация: Ада ЛаБёф в последней попытке спасти собственную жизнь пыталась симулировать сумасшествие, из-за чего казнь была отложена, и приговорённую доставили для освидетельствования в специально подготовленную аудиторию медицинской школы в университет штата. Экспертиза проводилась в присутствии большого количества врачей – люди, которых можно видеть на этой фотографии, не студенты, а врачи. Ада пыталась кричать и отвечать невпопад, то есть вела себя примерно так, как надлежало бы себя вести сумасшедшим в понимании обывателей. Симуляцию, разумеется, врачи раскрыли, констатировали вменяемость пациента и на прощание поблагодарили Аду за интересное представление.

Ввиду того, что любовники так и не дали признательных показаний, о многих деталях задуманной ими комбинации мы не знаем и можем только догадываться. Есть такое сильное подозрение, что через некоторое время после убийства Джеймса ЛаБёфа они планировали избавиться и от жены доктора. Тем изумительнее её преданность мужу, ведь она не отказалась от него даже после вынесения приговора и всячески поддерживала негодея до последних часов жизни. Что это – недоверие правосудию? христианское всепрощение? бесхребетность? просто глупость? Её преданность так контрастирует с поведением сына, категорически отринувшего отца и, по-видимому, так и не простившего его измену семье.

Но закончить эту заметку хочется всё же не сентиментальными размышлениями о конфликте поколений, а тем, с чего она начиналась. А именно – семейные измены при кажущейся на первый взгляд приятности и допустимости таят в себе не просто зло, а настоящую опасность. Вступая в интимные отношения с чужим мужем (женою), человек попадает в ситуацию, чреватую острыми и неожиданными конфликтами. Причём конфликтами разнообразными, выражаясь метафорически, камень может прилететь не только от обманутой «половинки», но и с другой стороны, откуда именно – не угадаешь. Обманутый супруг может попытаться наказать любовников, но ведь и они сами могут попытаться избавиться от супруга [как это произошло в случае ЛаБёф и Дрира]. Сложная ситуация может повернуться самым неожиданным образом, и даже очень спокойные и миролюбивые люди могут решиться на непредсказуемые и опасные поступки.

Затевая такую интрижку, следует хорошенько задуматься над тем, следует ли рисковать своим спокойствием и благополучием ради плотских утех? Стоит ли это начинание возмож-

ных последствий? И лишь ответив на этот вопрос и хорошенько взвесив тяжесть возможной расплаты, пускаться в сексуальную авантюру.

Либо не пускаться...

1922 год. Тук-тук... Кто в домике живёт? («Дело Фреда Остеррайха»)

Вообще-то, изначально эта история казалась простой и донельзя тривиальной. Никто из причастных к её расследованию даже в самом бредовом, самом фантастическом сновидении не мог предвидеть того, как этот сюжет станет развиваться. А уж когда и чем он закончится – такого не придумал бы даже самый сумасшедший писатель-фантаст.

В ночь на 22 августа 1922 г. дежурный офицер полицейской станции [отдела полиции, если по-современному] в районе Лафайет-парк в Лос-Анджелесе принял телефонный звонок взволнованной женщины, сообщившей, что она только что слышала 4 выстрела в доме №858 по Норт-Лафайет-парк-плейс (North La Fayette park place). Женщина назвалась Флорой Рэвсон (Flora Rawson), проживавшей по соседству с названным домом.

Объективности ради следует признать, что преступность в США тех лет имела масштабы труднопредставимые. Огромное количество людей перемещалось по стране, лишённой даже элементарного подобия системы паспортного учёта и контроля населения, значительный процент жителей являлся эмигрантами в первом поколении или вообще нелегальными эмигрантами. Эта категория условных «американцев», буквально обалдевшая от сытости и богатства окружающего их мира, пускалась на насилие легко и непринуждённо. У каждого второго американца в кармане пиджака тогда лежал револьвер, а у каждого первого – кастет. Уровень раскрываемости тяжких преступлений колебался в районе 5% в зависимости от штата. Да-да, вы поняли всё правильно, лишь 1 из 20 тяжких преступлений доходило до суда!

Тем не менее, район Лафайет-парка в Лос-Анджелесе того времени считался очень уважаемым и безопасным, стрельба в таком месте являлась событием экстраординарным. Ежели кто-то начнёт по ночам влезать в дома почтенных джентльменов в районе Лафайет-парка и там палить... это ж вообще беспредел! Даже по меркам американского беспредела!

Поэтому полицейские отреагировали на сообщение о выстрелах очень резко. В течение буквально 3—4 минут по указанному адресу прибыли первые 4 автомашины с патрульными, а затем прибывали всё новые силы.

Быстро выяснилось, что в доме действительно произошло убийство. Жертвой стал 44-летний Фред Уильям Остеррайх (Fred William Oesterreich), крупный предприниматель из Милуоки, переехавший несколько лет назад в Калифорнию, чтобы пожить здесь в своё удовольствие. Его жена – Вальбурга Барбара (Walburga Barbara), в девичестве Кёршель (Korschel), была младше мужа на 3 года, она стала невольной свидетельницей трагедии. Преступник запер её в гардеробной комнате, закрыв замок снаружи.

Женщина, пережившая нападение, находилась на грани нервного срыва. Из её путаных объяснений можно было понять, что супруги возвратились вечером с вечеринки, устроенной друзьями, стали переодеваться, и тут перед ними появился неизвестный мужчина с пистолетом в руках. Он потребовал деньги и ценные вещи, Фред – мужчина сильный и энергичный – набросился на грабителя, завязалась отчаянная битва...

Дом №858 по Норт-Лафайет-парк-плейс, ставший местом преступления (ныне не существует). Если смотреть на эту фотографию, то дом Флоры Рэвсон находился по правую руку.

После того, как прогремели выстрелы и Фред упал, сражённый бандитской пулей, преступник загнал перепуганную женщину в гардеробную комнату и запер там. Вальбурга громко кричала, и на её счастье появились полицейские, которые освободили женщину из заточения.

Немного придя в себя, женщина уточнила, что, вообще-то, она пользуется именем «Долли», поскольку «Вальбурга Барбара» звучит совсем уж не по-американски. Деловито осмотрев распростёртый на полу труп, женщина отметила исчезновение очень дорогих мужских карманных часов – они были не только золотыми, но и украшены бриллиантами, а также играли 17 мелодий и имели очень точный ход. Часы были куплены за 4 с лишком тыс.\$ [если считать, что доллар США эпохи «золотого стандарта» эквивалентен приблизительно 40—100 современным долларам, в зависимости от товарной группы, по которой пересчитывать покупательный паритет, то стоимость часов окажется в диапазоне от 160 тыс. до 400 тыс. современных долларов США].

Понимая, что преступник может находиться где-то неподалёку, полицейские тщательно осмотрели дом и прилегающий квартал. Затем район поиска был расширен. К месту преступления подтягивались всё новые силы. Патрульные обходили дома, опрашивая жильцов относительно того, не видели ли они поблизости подозрительного мужчину или мужчин, после чего осматривали придомовые территории в надежде обнаружить спрятавшегося преступника.

Вальбурга Остеррайх, она же Долли, рядом с любимым супругом Фредом Уилльямом Остеррайхом.

Вскоре, однако, появилась информация, заставившая детективов посмотреть на случившееся в доме Остеррайхов под иным углом. Позвонившая в полицию женщина – жившая по соседству Флора Рэвсон – в момент совершения преступления находилась дома не одна. У неё гостила подруга Кора Нортон (Cora A. Norton), поэтому фактически свидетелей драматических событий оказалось двое. Рассказ наблюдательных дамочек оказался очень интересен и заметно отличался от того, что поведала полицейским Долли Остеррайх.

Во-первых, Рэвсон и Нортон сообщили допросившим их детективам, что за соседним домом они наблюдали вовсе не случайно и не по ошибке. Фред и Долли действительно отсутствовали и приехали поздно, но по приезду между ними вышел отчаянный скандал. Супруги страшно ругались и их вопли привлекли внимание свидетельниц, которые прильнули к окну, интуитивно ожидая какой-то весьма драматичной развязки... Хотя, разумеется, и не такой, какая имела место в действительности.

Примечательно, что когда полицейские спросили о скандале саму Долли, та сделала изумлённые глаза и ответила, что не понимает, о чём идёт речь. Затем, сообразив, видимо, что полностью отрицать крик и визги нельзя, отыграла немного назад и сообщила, что между нею и мужем имел место эмоциональный разговор, но это же не скандал! Какой может быть скандал между любящими супругами, верно?

Во-вторых, свидетельницы в один голос подтвердили факт присутствия на месте преступления третьего лица, вот только лица весьма необычного. Женщины не видели этого человека полностью – окна были расположены так, что в поле зрения свидетельниц попадали только ноги... и ноги третьего человека были босыми и притом... в пижамных штанах!

В-третьих – и эта деталь выглядела, пожалуй, самой необъяснимой – обладатель босых ног и пижамных штанишек из дома не выходил! Ожидая его бегства, свидетельницы даже перебежали к другому окну! И ничего не увидели...

Сообщение о том, что преступник, возможно, спрятался где-то внутри дома Остеррайхов, побудило полицию ещё раз тщательно осмотреть здание. При свете дня с соседних домов была осмотрена даже крыша. Все эти мероприятия оказались безрезультатны и никакой ясности в вопрос, куда же мог бежать босоногий «Третий», не внесли.

Показания Кору Нортон (фотография слева) и Флоры Рэвсон (справа) выглядели очень странно и требовали переосмысления известной полицейским информации.

Определённую пищу для размышлений подкинул полицейским младший брат убитого – Джон Луис Остеррайх (John Louis Oesterreich), проживавший на другом краю страны в штате Висконсин. Джон, родившийся в 1882 г., оказался на 4 года моложе Фреда [тот родился в декабре 1877 г.], судя по всему, между братьями существовала сильная эмоциональная связь. Джон рассказал, что Фред унаследовал крупный семейный бизнес – завод по пошиву рабочей одежды в городе Милуоки, штат Висконсин – и значительно расширил его. Предприятие выпускало фартуки, рукавицы, комбинезоны и пр., помимо того фирма вела большие исследования, связанные с разработкой различных красителей, пропиток, составов для выделки кож и т. п. Это было передовое и высокодоходное предприятие.

Женился Фред по любви и какое-то время был счастлив с Долли. В августе 1900 года у супругов родился мальчик, которого назвали Рэймонд Харольд. Всё было, в общем-то, хорошо до июля 1910 г., когда мальчик трагически погиб во время купания. После этого, по словам Джона, семейная жизнь брата пошла вразнос. Он заболел венерической болезнью и был уверен, что заразила его жена. Долли, как несложно догадаться, винила в этом Фреда. Поскольку тот был довольно известен в городе, ему стали сообщать, что Долли появляется в дешёвых мотелях с какими-то мужчинами. Фактически это были недвусмысленные намёки на адюльтер. Благоверная от всех обвинений отпиралась, но Фред почти не сомневался в том, что дыма без огня не бывает и жена от него, что называется, «гуляет».

В какой-то момент и сам Джон получил совершенно ясное подтверждение тому, что Долли неверна брату, о чём посчитал необходимым сообщить Фреду. Тот выслушал его, не перебивая, и... ничего не предпринял. Фред, несомненно, очень переживал, но – удивительное дело! – с женой не разводился. Джон считал, что очень опасно поддерживать такие отношения, поскольку неверная жена могла устроить мужу какую-либо нехорошую каверзу, тем более, что богатство Фреда могло послужить отличным мотивом для этого, но брат не хотел его слушать. По-видимому, какая-то привязанность к Долли у него существовала, причём привязанность крепкая.

С какого-то времени – приблизительно с 1917 г. или 1918 г. – Фред стал замечать, что вокруг него творятся странные и даже необъяснимые делишки. По большому секрету он рассказал младшему брату, что дома происходит нечто такое, чего раньше никогда не происходило – например, исчезают сигары Фреда, кто-то переставляет мелкие предметы на полках в его гардеробе, и некоторые его вещи вроде банного халата почему-то оказываются повешены не так, как он их оставлял. Иногда ему слышатся странные звуки, которые он не может объ-

яснить... посреди ночи появляются странные запахи... Какие именно запахи? Да его же собственных сигар! При этом он лежит в кровати и не курит! Сначала он это списывал на собственное невнимание, однако, затем насторожился и попытался проверить догадки. Например, он оставлял одну сигару на видном месте – на письменном столе или подлокотнике кресла – и пересчитывал оставшиеся сигары в коробке. Возвращаясь вечером, он находил оставленную на виду сигару нетронутой, а вот из коробки исчезали 2 или 3 штуки. Если коробка с сигарами была полна или в ней отсутствовала только 1 сигара, то таинственный похититель её игнорировал. Точно также он игнорировал почти пустую коробку, в которой оставались 1, 2 или 3 сигары... Вор явно умел считать и заботился о том, чтобы его мелкие хищения не бросались в глаза!

Таинственный «Некто» явно интересовался украшениями Фреда. Последний рассказывал брату, что замечает следы перестановок на полках коробочек с запонками, булавками для галстуков, часами и пр., кто-то открывал золотые портсигары Фреда – последний установил это опытным путём, закладывая листки папиросной бумаги под язычки их замков. Когда он открывал их через неделю, то видел не 1 прокол бумаги – как это должно было быть! – а несколько...

Остеррайхи не держали домашней прислуги. Несмотря на огромное богатство, семья вела по-немецки рачительный образ жизни, если не сказать, сквалыжный, поэтому Долли занималась уборкой по дому самостоятельно. Она могла вызвать повара, чтобы тот помог с приготовлением пищи, особенно в случае какого-либо мероприятия, связанного с приглашением гостей, но в целом все работы по дому выполняла самостоятельно.

Как бы ни называть таинственное явление в доме Остеррайхов – «Некто» -Привидение-Полтергейст – оно не наносило явного материального ущерба, то есть деньги не пропадали, украшения и прочие ценности всегда оставались в комплекте. По словам младшего брата, Фред не находил никакого рационального объяснения происходившему. К этому времени – то есть к 1917 – 1918 гг. – он стал пить и всерьёз заподозрил, не сходит ли с ума на почве алкоголизма?

Джон же считал, что происходившее в доме брата является отнюдь не плодом его воображения, а имеет причинно-следственную связь с поведением жены. Он был убеждён, что в отсутствие Фреда в доме появляется любовник Долли, и предлагал брату его выследить. Фред не хотел обращаться к частным детективам и несколько раз лично приезжал к дому, подолгу наблюдая за обстановкой вокруг. Никаких результатов это скрытое наблюдение не принесло – посторонние мужчины в отсутствие Фреда в дом не входили, чужие автомашины – не подъезжали.

Джон Остеррайх, младший брат Фреда, при одном упоминании имени жены убитого брата впадал в состояние, близкое к истерике. Он ненавидел Долли всеми фибрами души. Эта фотография сделана в 1930 году, спустя 8 лет после описываемых событий.

В конце концов Фред решил вообще уехать из Милуоки, посчитав, что перемена обстановки пойдёт на пользу его отношениям с Долли. Жена горячо поддержала идею уехать из северного штата куда-то на юг – в места тёплые и живописные. После некоторых размышлений супруги остановили свой выбор на Лос-Анджелесе – городе крупном и уже вполне сформировавшемся к началу 1920-х гг.

Фред передал предприятие младшему брату и заявил, что «выходит на пенсию», хотя ему тогда едва исполнилось 42 года. После переезда Фреда в Калифорнию контакты между братьями заметно уменьшились, что легко объяснимо территориальной удалённостью, но Джон не сомневался, что Долли не оставила присущей ей склонности к блуду и смерти старшего брата каким-то образом связана именно с этим.

Джон был настроен к Долли резко негативно и обвинял женщину во всех грехах, хотя никакой фактической информацией помочь следствию не смог. Тем не менее, его рассказ о семейных отношениях погибшего имел немалое ориентирующее значение.

После беседы с младшим братом убитого полицейские приняли решение просить суд об аресте Вальбурги «Долли» Остеррайх. Никаких серьёзных улик против неё не было, но детективы надеялись, что сумеют в течение нескольких дней что-либо на эту дамочку «нарыть».

23 августа Долли была заключена под стражу и доставлена в полицейский участок. Она ожидаемо отказалась от дачи показаний и потребовала вызова адвоката. Таковым оказался Герман Шапиро (Herman Shapiro) – человек совершенно ничтожный, неунывающий весельчак и циник. Репутация его в профессиональной среде если и была повыше плинтуса, то совсем ненамного. Шапиро шутил, что честно предупреждает своих клиентов: адвокат не может прожить на честно заработанные деньги. Ещё он сравнивал адвоката с волком, рыщущем по лесу в поисках жирной добычи, то есть выгодного дела, хотя применительно к образу самого Шапиро в данной аллюзии волка следует заменить на шакала.

Герман Шапиро оказался честным человеком в том смысле, что честно признавался, что не желает и не может жить на честно заработанные деньги.

В общем, как мы увидим из дальнейшего, Герман Шапиро благодаря собственному незамутнённому цинизму отлично поладил с состоятельной вдовой и ловко вписался в этот криминальный сюжет. Хотя в те дни и часы этого, разумеется, никто из полицейских предвидеть не мог.

Судебно-медицинское вскрытие показало, что смерть Фреда Остеррайха последовала в результате огнестрельных ранений в голову и сердце. Преступник вёл стрельбу из пистолета 25-го калибра с близкого расстояния, в потерпевшего попали 3 пули, всего же, как было сказано выше, были произведены 4 выстрела, звуки которых слышали свидетели. Четвёртая пуля была найдена в двери – она также оказалась 25-го калибра и в тело потерпевшего не попала.

Коронерское жюри, рассматривавшее обстоятельства смерти Фреда Остеррайха, заседало 26 августа 1922 г. Жюри констатировало, что смерть наступила в результате огнестрельных ранений, причинённых одним или несколькими нападающими.

Имея на руках такой вердикт, окружная прокуратура теоретически могла бы продолжать расследование с расчётом доказать причастность Вальбурги к убийству мужа, но если такие замыслы и существовали, то никакого практического результата не принесли. Детективы не отыскивали любовников Долли-Вальбурги и даже не сумели доказать, что таковые существовали. По крайней мере, в Калифорнии. Присутствие на месте преступления третьего человека казалось несомненным, но полиция отыскать его не смогла. То, что вдова была заперта в гардеробной комнате и не могла самостоятельно закрыть замок с обратной стороны двери, также не могло быть опровергнуто. Хотя «законники» почти не сомневались в том, что Долли каким-то образом замешана в убийстве Фреда Остеррайха, инкриминировать ей было нечего.

Местная пресса уделила некоторое внимание странному убийству предпринимателя из Висконсина. Журналисты знали, что полиция имеет некие подозрения в адрес вдовы убитого, но на чём эти подозрения основаны и почему в отношении Вальбурги Остеррайх обвинения официально так и не были выдвинуты, в те дни осталось тайной.

Поэтому когда 27 августа Герман Шапиро потребовал от окружной прокуратуры либо формально выдвинуть обвинение против его подзащитной, либо освободить её, вдова получила возможность вдохнуть воздух свободы.

Она вернулась в свой замечательный дом и... в скором времени к ней присоединился Герман Шапиро. Да-да, мечта адвоката сбылась – он более не нуждался в грошовых заработках и мог позволить себе оставить постыльную работу с уголовным контингентом, поскольку в лице Долли Остеррайх нашёл любовь всей своей жизни. Во всех странах мира роман с клиентом

компрометирует адвоката, но Германа эти пустяки уже не волновали, поскольку он не рассчитывал в будущем возвращаться в профессию.

И, в общем-то, история убийства Фреда Остеррайха могла бы на этом и закончиться, но она не закончилась. По прошествии 2-х лет произошёл странный и волнующий зигзаг, достойный крепкого детективного романа или «крутого» боевика.

Летом 1924 г. в Департамент полиции Лос-Анджелеса обратился некий Рой Кламб (Roy Klumb), сделавший в высшей степени интригующее заявление. По словам мужчины, в 1922 г. он поддерживал интимные отношения с Долли Остеррайх, то есть фактически был тем самым любовником, которого так искала полиция после убийства Фреда. По прошествии некоторого времени с момента преступления, возможно, месяца или двух, Долли попросила возлюбленного о маленькой услуге. А именно – она передала ему револьвер 25-го калибра и попросила выбросить его в районе Ла-Бреа. Это место (La Brea tar pits) в западной части Лос-Анджелеса известно своими т.н. «смоляными» ямами – участками выхода нефтеносных грунтов на поверхность земли. Там в ложбинах, оврагах и разного рода низинах на протяжении тысячелетий накапливались битумы, часть которых затвердевала, а часть оставалась в полужидком [текучем] состоянии. «Ямы Ла-Бреа» стали достопримечательностью, поскольку в толще древних битумов остались туши различных древних животных, прекрасно сохранившиеся благодаря одномоментному прекращению доступа воздуха и последующей мумификации.

О «ямах Ла-Бреа» можно почитать в интернете и даже посмотреть познавательные фильмы, речь сейчас немного о другом. Помимо туш животных в упомянутых ямах с битумом можно было прекрасно прятать трупы и разного рода улики, о чём калифорнийские преступники догадались ещё до того, как эти земли перешли под власть США.

Долли Остеррайх, зная о подобной репутации этого района, поручила Рою Кламбу выбросить в «смоляную» яму револьвер, что любовник и сделал. Любовник был хорошо мотивирован – он рассчитывал на крепкие и продолжительные отношения с вдовой, унаследовавшей огромное состояние убитого мужа!

Идиллии, однако, не случилось. Через несколько недель в доме Долли-Вальбурги поселился адвокат Шапиро, и Рой почувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Он пытался бороться, так сказать, «за любовь» – ибо кто откажется от вдовы с огромными деньгами?! – но был отвергнут... страдал... и по здравому размышлению решил отплатить чёрной неблагодарностью в ответ на чёрную же неблагодарность.

Он явился в полицию и рассказал, какая же на самом деле тварь эта Долли Остеррайх!

«Смоляные ямы Ла-Бреа» представляли собой водоёмы – порой весьма значительной глубины, – заполнявшиеся на протяжении многих тысячелетий природным битумом. Многие из этих водоёмов сверху заносились песком и листвой, в силу чего становились неотличимы

от твёрдого грунта. Животные, проваливаясь в битумную трясину, не имели шансов на спасение. Их туши прекрасно сохранились и ныне стали объектами исследований палеонтологов.

Полицейские не очень удивились откровению бывшего любовника, ибо почти не сомневались в правдивости слов Джона Остеррайха о блудливом нраве невестки.

Хотя рассказ о выброшенном в битумную яму пистолете звучал довольно правдоподобно, никто из детективов не бросился его проверять. Почему? Ну, потому, что сведение счётов между любовниками руками полиции – это дело если и не типичное, то всё же нередкое, такие ребятки и девчатки сокрут – недорого возьмут. А во-вторых, для того, чтобы вычерпать битумную яму, надо иметь очень веский повод, поскольку глубины таких водоёмов могут быть и 5 метров, и 10, и 15... Чтобы затеять извлечение тысяч тонн битума, полиции следует иметь причину более вескую, нежели откровения обиженного любовника, который сегодня сказал одно, а завтра передумает и скажет, что пошутил или ошибся.

Столкнувшись с таким отношением полицейских – спокойным и даже равнодушным – Рой Кламб подумал-подумал, да и добавил к сказанному кое-что ещё.

Совсем уж странное!

Он сказал, что пистолетов, вообще-то, было 2 – это были одинаковые револьверы 25-го калибра. Один из них Вальбурга Остеррайх отдала ему, Рою Кламбу, а второй – Джозефу Фарберу (Joseph Farber), другому своему любовнику. Джозефу также надлежало избавиться от револьвера, только он не стал заморачиваться с поездкой в Ла-Бреа, а поступил проще – он закопал пистолет на заднем дворе своего дома.

На вопрос полицейских: «Кто такой Джозеф Фарбер?» – Кламб просто ответил, что это сосед Долли, живущий через два дома от дома Остеррайхов на Норт-Лафайет-парк-плейс. Фарбер был женат, держал интимную связь с вдовой в тайне от жены, и Кламб, в принципе, не видел в нём конкурента. Мужчины вполне доброжелательно общались, и Кламб, по его словам, не хотел втягивать Джозефа в эту историю, но чтобы заинтересовать полицейских, изменил собственное намерение.

Детективы решили проверить сообщение заявителя, благо это было не очень сложно сделать, и отправились к Фарберу. Тот оказался шокирован появлением на пороге дома обладателей блестящих жестяных значков, больше всего мужчина опасался того, что о его интрижке узнает жена. Детективы пообещали сохранить его маленькую тайну в тайне – уж простите автора за этот невольный каламбур, – но попросили подтвердить или опровергнуть историю про закопанный пистолет. Джозеф Фарбер полностью подтвердил рассказ Роя Кламба и отвёл полицейских к тому участку заднего двора, где около полутора лет назад закопал револьвер 25-го калибра, полученный от Долли Остеррайх.

Поработав немного лопатами, детективы буквально в течение 10 минут обнаружили интересующую их улику. Эта находка заставляла совсем иначе оценить сообщённую Кламбом информацию.

Теперь следовало провести розыск в районе Ла-Бреа.

Департамент полиции Лос-Анджелеса нанял бригаду из 10 человек, которые в течение недели вычерпывали указанную Роем Кламбом битумную яму. Удача, как известно, любит упорных, и труд черпальщиков, в конце концов, оказался вознаграждён.

Так, в распоряжении полиции оказалось аж даже 2 одинаковых револьвера, подобных тому, выстрелами из которого в августе 1922 г. был убит Фред Остеррайх. Что далее?

А, в общем-то, ничего. Оба револьвера оказались безнадежно испорчены ненадлежащими условиями хранения. Их состояние оказалось настолько плохим, что из них невозможно было произвести даже по одному контрольному выстрелу. Хотя следует сразу пояснить, что в 1924 г. ещё не был создан сравнительный микроскоп, без которого корректная баллистическая экспертиза немыслима, поэтому если бы даже контрольный отстрел удался, то всё равно

ценность последующего сравнения выпущенных пуль с пулями, убившими Фреда Остеррайха, была бы околонулевой. В те времена баллистическая экспертиза давала оценки весьма приблизительные – криминалист мог взвесить пулю, установить её калибр, в лучшем случае назвать тип патрона и его производителя и... пожалуй, на этом всё. Хотя некоторые «эксперты» уверяли, что могут надёжно идентифицировать конкретное оружие по выпущенной из него пуле, все заявления такого рода следует признать антинаучными.

Окружная прокуратура, изучив показания Кламба и Фарбера, а также обнаруженные револьверы, пришла к выводу, что на основании этих материалов обвинить Долли Остеррайх в убийстве мужа [или в соучастии убийству] невозможно.

Возобновлённое было расследование приостановили и тихонько положили под сукно. До лучших, так сказать, времён.

Фред Остеррайх думал о людях хорошо и пренебрегал собственной безопасностью. За что и поплатился...

Лучшие времена наступили в начале 1930 г., когда в офис окружного прокурора явился... Герман Шапиро! Бывший адвокат непринуждённо заявил, что готов рассказать о том, кем и как был убит Фред Остеррайх, но при одном условии. А именно – окружная прокуратура не станет выдвигать против него обвинений. После некоторых переговоров нужный консенсус был достигнут, и Шапиро поведал такое, что его повествование затмило даже сюжеты, выходявшие из-под пера писательницы букв Агаты Кристи.

В самый первый день знакомства адвоката с Вальбургой-Долли, то есть 23 августа 1922 года, та сообщила ему, будто в доме, ставшим местом преступления, прячется её сводный брат. Адвокату надлежало отправиться в дом, накормить его и вообще удостовериться в том, что тот ни в чём не испытывает нужды. Шапиро крайне удивился этой просьбе и не без некоторого волнения отправился в №858 по Норт-Лафайет-парк-плейс. Поднявшись на чердак, он отыскал там потайную дверь, скрытую отодвигавшимся трюмо, постучал условным стуком, представился и... ему открыл мужчина лет 35. Мужчина выглядел очень взволнованным, точнее, экзальтированным, он стал рассказывать адвокату о событиях трагической ночи. Шапиро уверял, что ему даже не пришлось расспрашивать странного мужчину – тот буквально фонтанировал эмоциями и разве что слюну от возбуждения не ронял на пол.

Из его рассказа адвокат узнал, что прятавшийся в потайной камерке мужчина вовсе не родственник Долли Остеррайх, а её любовник. И – да! – он действительно убил Фреда, спасая Долли от расправы, которую хотел учинить над этой светлой женщиной беспутный муженёк-алкоголик. Разгневанный тем, что его использовали «втёмную» и фактически сде-

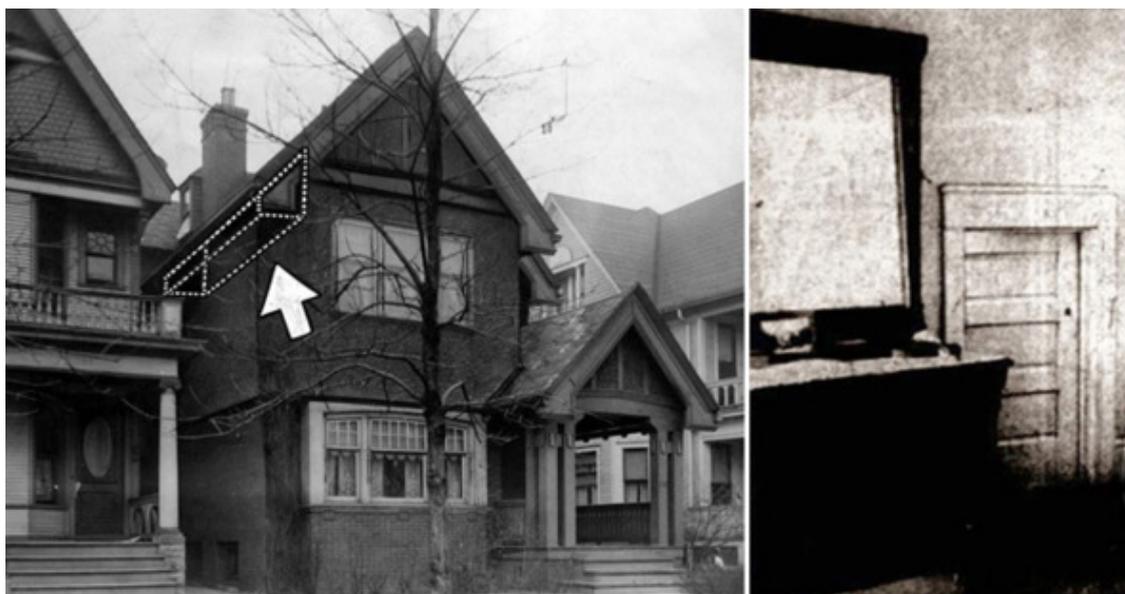
лали соучастником преступления, Шапиро накричал на мужчину и пригрозил, что немедленно сообщит обо всём в полицию, ежели тот не исчезнет в течение 15 минут. Перепуганный мужчина побросал в картонный чемоданчик свои пожитки и... был таков!

Хотя, возможно, пронырливым адвокатом в ту минуту двигал вовсе не гнев – как он рассказывал об этом впоследствии, – а холодный расчёт. Он понял, что прежнего любовника следует прогнать, дабы занять его место возле хорошо обеспеченной вдовушки, которой можно будет легко управлять посредством шантажа. В общем, об истинных мотивах адвоката каждый может судить самостоятельно, нас же сейчас интересует общая канва тех занимательных событий.

Вернувшись к Долли, адвокат вполне разумно решил до поры не демонстрировать свою излишнюю осведомлённость и не сказал ей о том, что мужчина из тайника рассказал ему правду о своих отношениях с вдовой и даже назвал свои имя и фамилию. Шапиро лишь лаконично сообщил, что её «брат» сложил вещи и бежал, пообещав связаться с Долли позже. В последующие дни Шапиро стал демонстрировать Долли недвусмысленные знаки внимания, и труды его не остались незамеченными! В скором времени после освобождения женщина пригласила адвоката на ужин, затем ужин из ресторана плавно перетёк в проводы до дома, точнее, до кровати и... в общем, Шапиро переехал жить к вдовушке. Ну, а почему бы и нет? Богатая женщина, её денег хватит на обоих!

По прошествии некоторого времени любовница передала ему золотые карманные часы с 17 мелодиями, инкрустированные бриллиантами – те самые, что грабитель снял в трупа Фреда Остеррайха. На вопрос Шапиро: «Означает ли это, что ограбление было инсценировкой?» – Долли ответила с улыбкой, что обнаружила эту вещицу в спальне среди постельного белья и не стала передавать полиции, опасаясь, что там её неправильно поймут.

Адвокат избавился от часов, совершив тем самым преступление в форме продажи имущества, добытого заведомо преступным путём. Он добивался иммунитета именно от этого обвинения, прекрасно понимая, что в недонесении о преступлении его обвинить практически невозможно, поскольку о деталях убийства и личности преступника ему сообщила его подзащитная!

Слева: дом №858 по Норт-Лафайет-парк-плейс с указанием места расположения скрытой камеры в чердачном помещении. Справа: фотография из газеты 1930 года, на которой можно видеть дверь в скрытое помещение и отодвинутое в сторону трюмо, маскировавшее её.

Что же послужило причиной доноса? Мотив бывшего адвоката оказался в точности таким же, что несколькими годами ранее двигал Роем Кламбом – он горел желанием отомстить бывшей любовнице после того, как та разорвала с ним отношения. Согласитесь, мужчины, с которыми общалась Долли, оказались предсказуемо однотипны.

Рассказ Германа Шапиро звучал фантастично. Услышав его повествование о скрытом помещении на чердаке, на осмотр дома отправился не только окружной прокурор с помощниками, но и целая колонна полицейских автомашин, в которых сидели детективы, причастные к расследованию убийства Фреда Остеррайха в 1922 году. Дом, к счастью, хорошо пережил очень сильное калифорнийское землетрясение 1925 года и, несмотря на то, что к 1930 году сменил двух хозяев, остался практически без изменений. Даже большое трюмо с зеркалом, закрывавшее тайную дверь на чердаке, осталось стоять на своём месте!

Сообщённая Германом Шапиро информация вкупе с теми данными, что были известны правоохранительным органам по предыдущим расследованиям, позволили окружной прокуратуре ходатайствовать об аресте Вальбурги Остеррайх.

Дама вторично отправилась на шконку и так же, как и прежде отказалась отвечать на вопросы полиции.

Но теперь – в отличие от 1922 года! – «законники» знали, кого и где им надлежит искать. Любовник, сознавшийся тогда Шапиро в убийстве Фреда Остеррайха, назвал себя и рассказал, как познакомился с Долли. Звали этого человека Отто Санхубер (Otto Sanhuber), он работал слесарем на заводе Остеррайха, и летом 1913 г. Фред направил его к себе домой для того, чтобы тот отремонтировал швейную машинку Долли. Санхубер, которому тогда было 25 лет, машинку починил, а Долли, посмотрев на его работу, не стала тратить время на долгие разговоры. Она просто развязала поясок банного халата, который в ту минуту был на ней. Оказалось, что кроме халата и чулок на теле ничего нет. Опытные мужчины знают, что случайный секс – это ещё не повод для знакомства, но бедолага Санхубер в свои 25 лет не был опытным мужчиной. И потому в данном случае знакомство с далеко идущими последствиями состоялось!

В общем, калифорнийским «законникам» надлежало искать Отто Санхубера из Милуоки! И молчание Долли не очень-то им в этом деле мешало.

Эти фотографии Вальбурги «Долли» Остеррайх сделаны в апреле 1930 года, ни них женщине почти 50 лет.

Нашли Отто очень быстро, строго говоря, весь розыск уложился менее чем в 100 часов. Учитывая, что интернета тогда не существовало и общий уровень кооперации различных правоохранительных ведомств был много ниже, чем сейчас, такому результату нельзя не удивляться.

Многочисленные родственники Санхубера – мать, 4 брата и 2 сестры – продолжали жить в Висконсине. Правда, все они являлись не кровными родственниками Отто, поскольку мальчик был усыновлён [он был рождён под фамилией Вейр]. Тем не менее, Отто считал семью Санхубер своими родственниками, и ему, судя по всему, платили тем же. Через сводных братьев и сестёр удалось установить, что Отто женился и уехал в Канаду к жене, фамилию он сменил и стал Кляйном.

В Канаде его отыскивали очень быстро и он, сообразив, что явившимся к нему детективам всё известно, не стал запираяться. У него была возможность потянуть время, отказавшись от добровольного выезда в США – это потребовало бы проведения суда по экстрадиции – но Отто не пошёл этим путём, предпочитая решить проблему максимально быстро. Он добровольно отправился в Калифорнию, дабы ответить перед Законом, настаивая при этом на своей полной невиновности.

В середине апреля 1930 г. история «любовника с чердака» стала известна американским журналистам и вызвала фурор. Несмотря на то, что США уже вошли в полосу тяжёлой экономической нестабильности, называемую ныне Великой депрессией, новости о необычном убийце, умудрившимся летом 1922 года избежать карающей длани американского Правосудия, интересовала всех. Разумеется, определённую «перчинку» добавляли и разнообразные пикантные подробности отношений госпожи и её молодого раба, который оказался младше своей повелительницы на 8 с лишком лет.

Санхуберу очень помогло то обстоятельство, что его жена, гражданка Канады Матильда Кляйн, не отказалась от него, а приехала в Лос-Анджелес, чтобы поддержать во время следствия и суда. Матильда выглядела по-настоящему потрясённой тем, что приключилось с её мужем, и вид этой простой, безыскусственной и доброй женщины так контрастировал с обликом нагло ухмылявшейся, вульгарной и давно растерявшей всякую женскую привлекательность Долли! Та доброта, христианское смирение под ударами Судьбы и всепрощение, что продемонстрировала своим поведением Матильда, невольно способствовали перевороту в общественных взглядах на всю эту трагическую историю. Люди невольно думали: если эта женщина продолжает любить и поддерживать Отто Санхубера после всего того, что она о нём узнала, значит есть в этом парне нечто такое, что достойно уважения.

Честно говоря, сложно отделаться от ощущения, что если бы не Матильда Кляйн, то концовка этой истории оказалась бы совсем иной!

В апреле 1930 года калифорнийские газеты поведали историю «любownika с чердака», вызвав немалый ажиотаж среди обывателей. История незримого обитателя дома, проживавшего в нём на протяжении многих лет в полной тайне от владельца здания, поразила воображение американцев. Впрочем, жителей современной России эта история тоже наверняка поразит!

Итак, какую же версию событий предложил следствию Отто Санхубер, он же Кляйн?

По его словам, отношения с Вальбургой Остеррайх начались летом 1913 г. при тех самых обстоятельствах, которые сообщил Герман Шапиро – ремонт швейной машинки, халат на голое тело... Некоторое время Вальбурга, которой тогда было 33 года, встречалась с 25-летним Отто в дешёвых гостиницах и мотелях, но затем об этих встречах узнал Фред Остеррайх. То есть, тот не знал, с кем именно жена ему изменяет, но сам факт измен стал ему известен. Вальбурга рассказала об этом молодому любовнику и предложила оригинальный выход из ситуации – ты переедешь жить в мой дом в тайную комнату на чердаке. Невероятно, но... Отто согласился! С 1914 года он обосновался в доме Остеррайхов в Милуоки, в небольшой комнатёнке под крышей, попасть в которую можно было через хорошо замаскированный лаз на чердаке.

Фред Остеррайх ничего не заметил [прислуги-то в доме не было, и подсказать было некому!]. Когда Фред уходил на работу, Отто покидал своё убежище, гулял по дому, курил сигары Фреда, пил его виски, примерял его одежду и украшения. Они занимались с Долли сексом, секса вообще тогда было много, поскольку Долли была совершенно ненасытна, а Отто имел неплохую потенцию и отлично справлялся с тем, что от него требовалось. По-видимому, Долли была к нему по-своему привязана и выделяла его среди прочих любовников, в существовании которых Санхубер не сомневался.

Однако примерно с 1917 г. Фред стал жаловаться Долли на появившийся в доме полтергейст. Любовница предупредила Отто о необходимости соблюдения крайней осторожности, но это было проще сказать, чем сделать! Ну, как можно отказаться от маленьких радостей, когда их и без того немного?! На протяжении нескольких лет напряжение Фреда возрастало и, в конце концов, он надумал уехать из «нехорошего» дома. В каком-то смысле он стал заложником своего высокого статуса – вместо того, чтобы обратиться за советом и помощью к друзьям или частным детективам, Фред держал свои тревожные мысли в себе и пытался разобраться в происходившем самостоятельно. Ну. и, конечно же, подвело его то, что подлая жена фактически играла против него, убеждая в том, что никакого полтергейста нет, просто он слишком много пьёт и постоянно всё забывает...

В общем, идея переехать была озвучена, и Отто, выслушав это предложение, согласился. Мотив, как несложно догадаться, был корыстным – зимние ночи в Висконсине холодные,

и спать под крышей было не очень комфортно. После согласия Отто согласилась на переезд и Долли.

После того, как дом в Лос-Анджелесе был выбран, Долли отправила любовника вперёд, дабы тот подготовил для себя скрытое помещение под крышей. Что Отто и сделал. Он оборудовал камеру длиной 3,5 метра и наибольшей высотой 80 сантиметров. В этом пенале он положил топчан, на котором и спал. Электрического освещения отсек не имел, дабы проводка не выдала наличие скрытого освещаемого пространства, поэтому Отто был вынужден пользоваться обычной свечой.

Матильда Кляйн, жена Отто Санхубера, очень помогла ему тем, что приехала в Лос-Анджелес, чтобы поддержать мужа во время суда.

Санхубер называл себя «сексуальны рабом» Долли, напоирая на то, что был несвободен, не располагал собою и не мог уйти. Объективно эти утверждения ничем не подкрепляются. На укрытии Отто не было запоров, он имел возможность по своему желанию входить и выходить из своего убежища. Когда Герман Шапиро пригрозил Санхуберу преследованием, тот моментально собрал вещи и умчался, то есть он располагал необходимыми для бегства и деньгами, и вещами. Санхубер являлся рабом своей госпожи ровно в той степени, в какой сам этого хотел.

Как же коротал свои будни добровольный узник? Он писал приключенческие, фантастические и детективные рассказы и повести. Невероятно, да? Тут самое время припомнить слова Антона Павловича Чехова, к которому обратился один из поклонников-графоманов, спросивший: «Как узнать, настоящий ли я писатель или нет?» Чехов, не моргнув глазом, ответил легендарной фразой: «Очень просто! Если можете не писать – не пишите!» Отто Санхубер оказался настоящим писателем в том смысле, что зуд сочинительства, посетив однажды, более его не оставлял. Отто читал приключенческие журналы «Argosy», которые ему покупала Долли, и, впечатлившись прочитанным, творил по мотивам собственную «нетленку».

Иногда говорят, что талантливому человеку комфорт не нужен, дескать, удобства и достаток только расхолаживают гения. Что ж, Отто Санхубер личным примером доказал, что гению его масштаба вообще ничего не надо – ни денег, ни работы, ни комнаты, ни стола, ни даже лампы! Залогом истинного творческого порыва являются сигары мужа любовницы, его же бутылка виски и регулярная половая жизнь с чужой женой.

Такой вот неожиданный джентльменский набор...

Отто читал приключенческие журналы «Argosy» и, впечатлившись прочитанным, выплёскивал сок собственного мозга в рукописи по мотивам прочитанного.

Написанное он отправлял в редакцию «Argosy» и, по его словам, несколько рассказов даже были там опубликованы.

Рассказывая о событиях вечера 22 августа, ставших роковыми для Фреда Остеррайха, Отто Санхубер настаивал на том, что был вынужден вмешаться в скандал, возникший между супругами, дабы спасти жизнь Долли. Дескать, крепко выпивший Фред угрожал жене расправой, и Отто, услышав шум отчаянной перебранки, бросился на помощь любимой женщине. Фред, увидав перед собой непонятно откуда появившегося человека, на секунду опешил, но тотчас узнал Отто, ведь последний работал на его фабрике в Милуоки. По-видимому, в последние минуты жизни Фред догадался, жертвой какого чудовищного обмана был все эти годы. Они стали отчаянно бороться и... Санхубер застрелил мужа любовницы. Таким образом, убивать Фреда он не хотел и был вынужден спасать как жизнь Вальбурги, так и свою собственную.

Правоохранительные органы в эту версию событий не верили, обосновывая свой скепсис несколькими соображениями. Прежде всего тем, что рассказ Санхубера не объяснял причину появления в его руках револьвера. Кроме того, Долли впоследствии предприняла попытку избавиться от 2-х одинаковых пистолетов, что наводило на мысль об использовании их обоих в убийстве мужа. Окружная прокуратура считала, что имел место заговор Долли и Отто, целью которого являлось устранение Фреда Остеррайха, дабы любовники впоследствии получили возможность жить вместе на деньги убитого предпринимателя. Именно для реализации задуманного были приобретены 2 одинаковых пистолета, из которых любовники стреляли вместе.

Вверху: Вальбурга Остеррайх, она же Долли Остеррайх, во время слушаний по возможности освобождения до суда под залог. Она стоит перед судьёй Ченнингом Фоллеттом (Channing Follette), позади неё детектив Клайн (Cline), расследовавший убийство её мужа 8-ю годами ранее. На фотографии внизу, сделанной во время суда в августе 1930 г., Долли сидит за столом со своей адвокатской компанией. Фотография грубо заретуширована, но Ракитин здесь ни при чём – это работа американских фотокорреспондентов.

На то, что Долли и Отто реализовывали заблаговременно продуманный план, указывала и чёткая организация их последующих действий. Имитируя действия грабителя, Санхубер запер Долли в гардеробной, снял с трупа дорогие часы, которые унёс с собою на чердак, не забыв при этом прихватить и 2 пистолета! Всё это было проделано очень быстро и чётко, подобная организованность была бы невозможна в состоянии паники и растерянности, неизбежных во всяком неподготовленном преступлении. В принципе, подельники задумали и реализовали почти идеальное убийство, если бы не показания двух случайных свидетельниц из рядом стоящего дома, полиция вообще не заподозрила бы в данном деле какой-либо «грязной» игры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.